

The background of the cover is a photograph of a swampy landscape at dusk or dawn. The sky is a warm orange, with a large, pale full moon in the upper left. Bare trees and reeds are silhouetted against the sky and reflected in the still water. A small bird is visible in the upper left sky. The water in the foreground shows a reflection of the trees and the moon. Red petals or leaves are scattered throughout the scene, falling from above.

**ХАНС РУСЕНФЕЛЬДТ
МИКАЭЛЬ ЮРТ**

**ТЕМНЫЕ
ТАЙНЫ**

ЛУЧШИЙ ШВЕДСКИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА.

DIE WELT

18+

Себастиан Бергман

Ханс Русенфельдт

Темные тайны

«Издательство АСТ»

2010

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Русенфельдт Х.

Темные тайны / Х. Русенфельдт — «Издательство АСТ»,
2010 — (Себастиан Бергман)

ISBN 978-5-17-134043-8

В шведском Вестеросе пропадает шестнадцатилетний парень Родгер. Вскоре его изуродованное тело с вырезанным сердцем находят в болоте недалеко от города. Тем временем Себастиан Бергман, бывший криминальный психолог и специалист по серийным убийцам, приезжает в Вестерос, чтобы уладить дела с наследством своей матери. После гибели жены и дочери Себастиан уволился из полиции и отгородился от внешнего мира. Он не проявляет никакого интереса к убийству Родгера до тех пор, пока его не настигает тайна из собственного прошлого. Бергману нужно получить доступ к полицейским отчетам, поэтому он присоединяется к расследованию. Вскоре увязнувшая в паутине лжи и обмана Пальмлёвская гимназия, которую посещал Родгер, полностью захватывает внимание Бергмана... Но удастся ли ему довести расследование до конца, сохранив свои темные тайны?

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-134043-8

© Русенфельдт Х., 2010
© Издательство АСТ, 2010

Содержание

1	6
2	7
3	8
4	10
5	15
6	22
7	32
8	35
9	42
10	48
11	53
12	59
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ханс Русенфельдт, Микаэль Юрт

Темные тайны

Michael Hjorth
Hans Rosenfeldt
Det Förlöda

© Michael Hjorth & Hans Rosenfeld, 2010
© Савицкая А., перевод, наследники, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

1

Убийцей мужчина не был.

Стаскивая мертвого мальчика вниз по склону, он убеждал себя: я не убийца.

Убийцы – преступники. Убийцы – злые люди. Их души поглотила тьма, и они по разным причинам с готовностью приняли ее в свои объятия, отвернувшись от света. А он человек незлой.

Напротив.

Разве в последнее время он не демонстрировал полную противоположность, почти целиком отбросив собственные чувства и желания, почти совершив над собой насилие ради благополучия других? Он попросту подставил другую щеку. Разве его присутствие в этой заброшенной низине посреди неизвестно чего с мертвым мальчиком не является еще одним доказательством того, что он стремится поступать как надо? *Вынужден* поступать как надо. Что он больше не намерен предавать.

Мужчина остановился и отдышался. Несмотря на юный возраст, парень оказался тяжелым. Хорошо тренированным – несколько часов в спортзале каждую неделю. Впрочем, уже недалеко. Мужчина ухватился за брючины, бывшие когда-то белыми, но в темноте казавшиеся почти черными, – из мальчика вытекло очень много крови.

Да, убивать неправильно. Пятая заповедь. Не убий! Однако бывают исключения. Библия во многих местах призывает к справедливому убиению. Некоторые этого заслуживают. Неправильное может оказаться верным. Абсолютных истин не существует.

И если отсутствуют эгоистические побуждения. Если утрата одной человеческой жизни принесет спасение другим. Дай им шанс. Дай им жизнь. Тогда ведь деяние не может считаться злом? Если цель благая.

Мужчина остановился возле небольшого скопления темной воды. Обычно оно представляло собой просто огромную лужу глубиной несколько метров, но в последнее время дожди так напители землю, что лужа растеклась посреди обильно поросшего кустарником болота, образовав настоящее маленькое озеро.

Мужчина наклонился и ухватился за футболку мальчика возле плеч. С огромным трудом приподнял безжизненное тело и на мгновение посмотрел мальчику прямо в глаза. Какой была его последняя мысль? Успел ли он вообще что-нибудь подумать? Понял ли – что ему предстоит умереть? Поинтересовался ли – почему? Думал ли он о том, чего не успел совершить за свою короткую жизнь, или о том, что на самом деле совершил?

Не играет никакой роли.

Зачем доставлять себе лишние мучения?

У него не было выбора.

Предать он не мог.

Снова предать.

Тем не менее он колебался. Но нет, они бы не поняли. Не простили бы. Не смогли бы, как он, подставить другую щеку.

Он толкнул парня спиной вперед, и тело с громким всплеском упало в воду. Мужчина подпрыгнул, не готовый к пронзившему темную тишину звуку.

Тело мальчика погрузилось в воду и исчезло.

Человек, который не был убийцей, вернулся к машине, припаркованной на маленькой лесной дороге, и поехал домой.

2

– Полиция Вестероса¹, Клара Лидман.

– Я бы хотела заявить о пропаже сына.

Голос женщины казался почти извиняющимся, будто она была не вполне уверена, туда ли попала, или сомневалась, поверят ли ей. Несмотря на то что разговор записывался на пленку, Клара Лидман взяла в руки блокнот.

– Сообщите, пожалуйста, ваше имя.

– Лена. Лена Эрикссон. Моего сына зовут Рогер. Рогер Эрикссон.

– Сколько вашему сыну лет?

– Шестнадцать. Я не видела его со вчерашнего вечера.

Клара записала возраст и подумала, что делу следует сразу дать ход. Разумеется, если парень действительно исчез.

– С которого часа?

– Он убежал в пять.

Двадцать два часа назад. Важных при исчезновении двадцать два часа.

– Вы знаете, куда он пошел?

– Да, к Лизе.

– Кто такая Лиза?

– Его девушка. Я ей сегодня звонила, но она сказала, что он ушел от нее вчера около десяти.

Клара зачеркнула на листе две двойки и заменила их на цифру семнадцать.

– Куда же он от нее направился?

– Она не знает, думала, что домой. Но дома он не появлялся. Всю ночь. И сейчас уже прошел почти целый день.

«И ты звонишь только теперь», – подумала Клара. Ее вдруг осенило, что женщина на другом конце провода не кажется особенно взволнованной. Скорее расстроенной. Подавленной.

– Как фамилия Лизы?

– Ханссон.

Клара записала фамилию.

– У Рогера есть мобильный телефон? Вы пытались ему звонить?

– Да, но телефон не отвечает.

– У вас нет никаких соображений относительно того, куда он мог пойти? Может, он заночевал у кого-нибудь из приятелей или что-нибудь в этом роде?

– Нет, он бы позвонил.

Женщина ненадолго замолчала, и Клара предположила, что голос изменил ей, но, услышав на другом конце провода всасывающий вдох, поняла, что женщина глубоко затянулась сигаретой. Потом выпустила дым.

– Он просто исчез, и все.

---

¹ Вестерос – административный центр лена Вестманланд, расположен в 114 км от Стокгольма. (Здесь и далее – прим. перев.)

3

Сон возвращался каждую ночь.

Не давал ему покоя.

Всегда тот же сон, приносивший тот же страх. Его это раздражало. Выводило из себя. Себастиан Бергман выше этого. Уж кто-кто, а он-то прекрасно разбирается в снах, и ему следовало бы справляться с этими лихорадочными остатками прошлого. Но насколько бы подготовлен он ни был, как бы хорошо ни сознавал истинное значение этого сна, он все равно оказывался в плену. Сон, казалось, отыскивал внутреннюю точку пересечения между тем, кем является Бергман, и его пониманием значения этого сна.

4:43.

Начало светать. У Себастиана пересохло во рту. Неужели он кричал? Вероятно, нет, поскольку женщина рядом с ним не проснулась. Она дышала спокойно, длинные волосы наполовину скрывали ее обнаженную грудь. Себастиан машинально распрямил слегка сведенные судорогой пальцы. Он уже привык просыпаться после этого сна с крепко сжатой правой рукой. Потом попытался припомнить имя лежащего у него под боком существа.

Катарина? Карин?

Она наверняка в течение вечера упоминала, как ее зовут.

Кристина? Каролина?

В общем-то, это никакой роли не играло – он все равно не собирался с ней снова встречаться, но копание в памяти помогало изгнать последние туманные отголоски сна, который, похоже, плотно въелся во все его органы чувств.

Сон, преследующий его уже более пяти лет. Тот же сон, те же картины каждую ночь. Все подсознание напряженно пытается справиться с тем, с чем он не мог совладать в дневное время.

С чувством вины.

Себастиан медленно поднялся с постели, подавил зевок и взял одежду со стула, куда положил ее несколькими часами раньше. Одеваясь, он безразличным взглядом окинул комнату, в которой провел ночь. Кровать, два прикрепленных к стене белых платяных шкафа – один с зеркальной дверцей; простенький белый ночной столик из магазина «ИКЕА» с будильником и журналом «Будь здоров», маленький стол с фотографией живущего с мамой каждую вторую неделю ребенка и разными безделушками – возле стула, с которого он только что забрал одежду. На стенах ничего не говорящие репродукции, которые ловкий маклер наверняка представил как выполненные «в гамме латте», хотя они попросту грязно-бежевые. Комната была такой же, как и полученный им в ней секс – незатейливо и немного скучно, но свою функцию выполняет. Как и всегда. К сожалению, удовлетворения хватало не слишком надолго.

Себастиан закрыл глаза. Это всегда самый мучительный момент. Переход к реальности. Эмоциональный поворот на сто восемьдесят градусов. Знакомо до боли. Он сконцентрировался на лежащей в постели женщине, особенно на видневшемся соске. Как же ее зовут?

Он знает, что представился, подходя с напитками, – так он поступал всегда. Никогда не представлялся, спрашивая, свободно ли место рядом, что она хочет выпить или может ли он ее угостить. Но ставя перед ней бокал – всегда.

«Кстати, меня зовут Себастиан».

Что же она ответила? Ему помнилось, что что-то на К. Он застегнул ремень на брюках. Раздался легкий металлический скрежет пряжки.

– Ты уходишь? – Ее голос звучал со сна хрипловато, взгляд искал часы.

– Да.

– Я думала, мы вместе позавтракаем. Который час?

– Скоро пять.

Женщина приподнялась на локте. Сколько ей? Под сорок? Она откинула с лица прядь волос. Сон отступал и сменялся осознанием того, что из утра, на которое она рассчитывала, ничего не получится. Он потихоньку встал, оделся и собирался уйти, не разбудив ее. Они не будут вместе завтракать и, перебрасываясь фразами, читать утреннюю газету, не пойдут на воскресную прогулку. Он не захочет познакомиться с ней получше и больше не позвонит, что бы он там ни говорил.

Она это поняла. Поэтому ничего объяснять Себастиан не стал.

– Пока, – произнес он на прощание, отбросив попытки угадать имя. Он уже больше не был уверен даже в том, что оно начинается на К.

На улице было по-рассветному тихо. Пригород спал, и все звуки казались приглушенными, словно им не хотелось его будить. Даже шум транспорта с проходившего поблизости шоссе Нюнесвеген доносился, будто почтительно ослабленный сурдиной. Себастиан остановился возле указателя на перекрестке. Улица Варпавеген. Где-то в пригороде Губбэнген. До дома довольно далеко. Ходит ли в такое время метро? Ночью они ехали на такси. По пути останавливались у магазинчика и покупали хлеб для завтрака – она вспомнила, что у нее дома ничего нет. Ведь он же собирается остаться на завтрак? Они купили хлеб и сок, он и... ну черт возьми. Как же ее звали? Себастиан двинулся по пустынной улице.

Он обидел ее, как бы ее там ни звали.

Через четырнадцать часов ему предстояло ехать в Вестерос и продолжать начатое дело. Впрочем, оно другого рода, до той женщины ему уже больше не добраться.

Пошел дождь.

Какое мерзкое утро.

В пригороде Губбэнген.

4

Все откровенно шло к чертовой матери. В ботинки комиссара полиции Тумаса Харальдссона затекала вода, его рация вышла из строя, и он потерял остальных участников прочесывания местности. Солнце светило прямо в глаза, и комиссару приходилось щуриться, чтобы не спотыкаться о кустарник и корни, торчавшие по всему болоту. Харальдссон выругался про себя и посмотрел на часы. Примерно через два часа у Йенни в больнице начнется обеденный перерыв. Она сядет в машину и поедет домой в надежде на то, что он уже успел вернуться. А он вместо этого будет торчать в проклятом лесу.

Харальдссон еще глубже провалился левой ногой. Почувствовал, что толстый носок в коротком ботинке впитывает холодную воду. В воздухе ощущалось зарождающееся, еще нестабильное весеннее тепло, вода же по-прежнему хранила зимний холод. Харальдссон задрожал, но снова вытащил ногу и нащупал твердую почву.

Он огляделся. Восток, вероятно, там. Разве в той стороне не идут военнослужащие? Или скауты? Правда, он вполне мог крутануться на 360 градусов и окончательно утратить ощущение, где находится север. Чуть поодаль, однако, виднелся маленький холмик, означавший сухую почву – маленький рай в этом мокром аду. Харальдссон двинулся туда. Нога снова провалилась. На этот раз правая. Чертовская удача.

Всему виной Хансер.

Ему не пришлось бы сейчас стоять тут мокрым по колено, если бы Хансер не захотела продемонстрировать свою активность и силу. А ей это действительно требовалось – ведь она, черт бы ее побрал, исходно даже не из полиции. Этакая юристка-выскочка, сумевшая ловко обойти его и выбиться в начальники, даже не запачкав рук и не промочив ног, как он.

Нет, если бы решать доверили Харальдссону, он бы действовал иначе. Конечно, парня никто не видел с пятницы и расширение зоны поиска вполне соответствовало служебной инструкции, особенно учитывая полученные сведения о «ночных мероприятиях» и «огнях в лесу» в окрестностях болота Листачер как раз в эти выходные. Но Харальдссон по опыту знал, что это пустой номер. Парень сидит сейчас где-нибудь в Стокгольме и смеется над обеспокоенной матерью. Ему ведь шестнадцать. А шестнадцатилетние парни любят заниматься таким делом – издеваться над своими мамами.

Хансер.

Чем больше Харальдссон промокал, тем больше ненавидел ее. Эта женщина – худшее, что с ним случилось. Молодая, привлекательная, политически активная представительница новой, современной полиции.

Она перешла ему дорогу. Когда она проводила первое совещание в полиции Вестероса, Харальдссон осознал, что его карьера резко затормозилась. Он ведь подавал на эту должность. А получила ее Хансер. И будет у них начальником минимум пять лет. Его пять лет. Из-под него выдернули лестницу, по которой он продвигался вверх. Теперь его карьера медленно двинулась по горизонтали, и ее завершение представлялось лишь вопросом времени. То, что он стоит по колено в зловонной глине в лесу километрах в десяти от Вестероса, казалось ему почти символическим.

В полученной утром эсэмэске большими буквами было написано: «СЕГОДНЯ СЛАДКИЙ ЛЕНЧ». Это означало, что Йенни приедет домой в обед, чтобы заняться с ним сексом, а потом они еще займутся любовью вечером, один или два раза. Теперь их жизнь строилась так. Йенни проходила лечение от бесплодия и вместе с врачом разработала некую схему для оптимизации шансов на оплодотворение. Сегодня выпал такой оптимальный день. Отсюда и эсэмэска. Харальдссон испытывал двойственные чувства. С одной стороны, он ценил то, что их сексуальное общение в последнее время увеличилось на несколько сотен процентов. Ему

нравилось, что Йенни всегда хотела его. С другой стороны, он никак не мог отделаться от ощущения, что на самом деле она хочет не его, а его сперму. Если бы не желание иметь ребенка, ей бы и в голову не пришло ехать домой в обед, чтобы наскоро потрахаться. Что-то во всем этом отдавало размножением животных. Как только яйцеклетка начинает двигаться к матке, они набрасываются друг на друга, словно кролики. В промежутках, по правде говоря, тоже, просто на всякий случай. Но уже больше не ради удовольствия, не ради близости. Куда же делась страсть? Где желание? И вот теперь Йенни приедет в обед домой, а там пусто. Может, следовало позвонить ей и спросить, не заняться ли ему перед уходом онанизмом, чтобы оставить сперму в банке в холодильнике. Самое ужасное, что он не был до конца уверен в том, что Йенни сочла бы такую идею совершенно неприемлемой.

Все началось в прошлую субботу.

Служба безопасности переключила разговор на полицию Вестероса около 15:00. Какая-то мать заявила о пропаже сына. Поскольку речь шла о несовершеннолетнем, заявление стало приоритетным. В полном соответствии с инструкцией.

К сожалению, приоритетное заявление пролежало до воскресенья, когда им поручили заняться дежурному наряду. В результате двое полицейских в форме посетили мать около 16:00. У нее еще раз приняли заявление, а позже вечером, перед уходом со службы, дежурные его зарегистрировали. Никаких мер все еще предпринято не было, не считая наличия теперь уже двух аккуратных и явно идентичных заявлений о пропаже того же человека. Причем оба имели пометку «приоритетное».

Только в понедельник утром, когда с момента исчезновения Рогера Эрикссона прошло 58 часов, старший по смене заметил, что заявления лежат без движения. К сожалению, профсоюзное собрание, посвященное предложению Государственного полицейского управления о введении новой формы, сильно затянулось, поэтому Харальдссон ознакомили с отложенным делом только в понедельник после обеда. Взглянув на дату приема заявлений, Харальдссон возблагодарил свою счастливую звезду за то, что дежурные полицейские все же посетили Лену Эрикссон в воскресенье вечером. Ей ведь не обязательно знать о том, что их визит вылился лишь в написание еще одного рапорта. Нет, работа началась всерьез уже в воскресенье, но пока ни к чему не привела. Именно этой версии Харальдссон и намеревался придерживаться.

Понимая, что перед разговором с Леной Эрикссон ему необходимо добыть хоть немного новых сведений, он позвонил подружке Рогера Лизе Ханссон, но та еще не вернулась из школы.

Харальдссон искал в регистре материал на Лену Эрикссон и ее сына. Рогер был несколько раз уличен в мелком воровстве. В последний раз чуть больше года назад, что плохо привязывалось к исчезновению. На мать ничего не обнаружилось.

Он позвонил в муниципалитет и выяснил, что Рогер учится в Пальмлёвской гимназии.

«Паршиво», – подумал Харальдссон.

Немуниципальная гимназия с интернатом. Считается одной из лучших в стране по показателям успеваемости. В ней учатся талантливые и целеустремленные дети богатых родителей. Родителей со связями. Обязательно станут искать козла отпущения, виновного в том, что расследование началось не сразу, и тогда полное отсутствие сведений на третьи сутки будет выглядеть не слишком удачно. Харальдссон решил все остальное отложить. Его карьера и так замерла, и глупо подвергать себя дальнейшему риску.

Поэтому всю вторую половину дня Харальдссон усиленно работал. Он отправился в Пальмлёвскую гимназию. Директор Рагнар Грот и классная руководительница Беатрис Странд выразили глубокую озабоченность и ужаснулись, узнав об исчезновении Рогера, но ничем конкретным помочь не смогли. Они не слышали о том, чтобы что-то произошло. Рогер вел себя в школе как обычно, в пятницу днем он писал большую контрольную по шведскому языку и, по словам одноклассников, пребывал после нее в хорошем настроении.

Однако Харальдссону удалось разыскать Лизу Ханссон – последнюю, кто видел Рогера в пятницу вечером. Она училась в параллельном классе, и Харальдссону указали на нее в кафетерии. Симпатичная, хоть и самая обычная девушка. Прямые светлые волосы, челка убрана простой заколкой. Ненакрашенные голубые глаза. Белая блузка, застегнутая наверху до предпоследней пуговицы, поверх жилет. Усевшись напротив Лизы, Харальдссон сразу подумал о свободной церкви. Или о девушке из сериала «Белый камень», шедшего по телевидению в годы его молодости. Он спросил, не купить ли ей что-нибудь в кафетерии. Она отрицательно помотала головой.

– Расскажи о пятнице, когда Рогер был у тебя.

Лиза посмотрела на него и слегка пожала плечами.

– Он пришел примерно в половине шестого, мы сидели у меня в комнате, смотрели телевизор, а около десяти он пошел домой. Или, во всяком случае, сказал, что пошел домой...

Харальдссон кивнул. Четыре с половиной часа в ее комнате. Шестнадцатилетние парень и девушка. Смотрели телевизор – ну пусть попробует заставить меня в это поверить. Или я просто испорчен окружающей средой? Как давно они с Йенни стали смотреть вечером телевизор? Ни разу не перепихнувшись во время рекламы? Исчисляется месяцами.

– А больше ничего не произошло? Вы там не поругались, не поссорились, ничего такого?

Лиза помотала головой. Она прикусила малюсенький ноготь большого пальца. Харальдссон увидел, что кожа вокруг ногтя явно воспалена.

– Он раньше так когда-нибудь исчезал?

Лиза снова помотала головой.

– Насколько мне известно, нет, но мы не так давно вместе. Вы говорили с его мамой?

Харальдссону на мгновение подумалось, что она его обвиняет, но потом он понял, что конечно же нет. Всею виной Хансер. Из-за нее он потерял уверенность в себе.

– С ней встречались другие полицейские, но нам необходимо поговорить со всеми. Составить общую картину. – Харальдссон откашлялся. – А какие отношения у Рогера с мамой? Там нет никаких проблем?

Лиза снова пожала плечами. Харальдссон подумал, что у нее несколько ограниченный набор жестов. Мотание головой и пожимание плечами.

– Они ссорились?

– Конечно да. Иногда. Ей не нравилась школа.

– Эта школа?

Лиза кивнула.

– Она считала ее снобистской.

«Тут она чертовски права», – подумал Харальдссон.

– А отец Рогера, он живет в городе?

– Нет. Я не знаю, где он живет. Не знаю даже, известно ли это Рогеру. Он никогда о нем не говорит.

Харальдссон записал. Интересно. Возможно, сын отправился на поиски своих корней. Встретиться с отсутствующим отцом. Утаил это от матери. Случаются и более странные вещи.

– Что, вы думаете, с ним случилось? – прервала мысли Харальдссона Лиза.

Он посмотрел на нее и впервые заметил, что у нее глаза на мокром месте.

– Я не знаю. Но он, вероятно, скоро объявится. Возможно, просто ненадолго поехал в Стокгольм или что-нибудь в этом роде. Знаешь, захотелось немного приключений.

– Зачем ему это понадобилось?

Харальдссон посмотрел на ее искренне удивленное лицо. Ненакрашенный, сгрызенный ноготь во рту. Да, маленькой фрёкен Свободная Церковь этого не понять, но Харальдссон чувствовал все большую уверенность в том, что исчезновение на самом деле было бегством.

– Иногда в голову приходят странные идеи, кажущиеся на тот момент хорошими. Вот увидишь, он скоро появится. – Харальдссон улыбнулся убеждающей и внушающей доверие улыбкой, но увидел по Лизе, что цели не достиг.

– Обещаю, – добавил он.

Перед уходом он попросил Лизу составить список друзей Рогера и тех, с кем тот общался. Лиза надолго задумалась, потом написала и отдала Харальдссону листочек. Два имени: Юхан Странд и Свен Хеверин. «Одинокый парень, – подумал он, – одинокие парни частенько сбегают».

Усаживаясь в машину в тот понедельник вечером, Харальдссон все-таки испытывал известное удовлетворение от проделанной за день работы. Правда, разговор с Юханом Страндом не добавил ничего нового. В последний раз Юхан видел Рогера в пятницу после занятий. По его сведениям, вечером Рогер собирался к Лизе. Он не имел ни малейшего представления о том, куда тот мог подеваться после этого. Свен Хеверин явно получил длительное освобождение от школы. Шесть месяцев во Флориде. Он отсутствовал уже семь недель. Мать парня консультировала кого-то в США, и вся семья отправилась вместе с ней. «Некоторым людям везет», – подумал Харальдссон, пытаясь припомнить, в каких экзотических местах ему довелось побывать по работе. С ходу вспомнился только семинар в Риге, но там он половину времени промаялся с животом, и ему запомнилось в основном то, как раздражающе здорово веселились коллеги, пока он не отрывал взгляда от дна синего пластмассового ведра.

Но Харальдссон, как уже говорилось, испытывал известное удовлетворение. Он проработал несколько версий и, главное, обнаружил возможный конфликт между матерью и сыном, указывавший на то, что вскоре окажется, что полиции тут делать нечего. Разве мать в своем заявлении не употребила слово «убежал»? Да, действительно. Ее сын не «ушел» или «исчез», он «убежал». Не указывает ли это на то, что он покинул дом в порыве ярости? Захлопнутая дверь перед раздосадованной матерью. Харальдссон ощущал все большую уверенность. Парень отправился в Стокгольм расширять кругозор.

На всякий случай Харальдссон все-таки решил по пути завернуть к дому Лизы, чтобы немного пообщаться с соседями. Ему хотелось там чуть-чуть покрутиться, с тем чтобы несколько человек смогли потом его узнать на случай, если кто-нибудь заинтересуется ходом расследования. Может, кто-то из них даже видел Рогера, при самом благоприятном раскладе – шедшим в сторону центра и вокзала. Затем он собирался заехать к матери, чтобы слегка надавить на нее и узнать, насколько часто они ссорились. Отличный план, посчитал он, заводя машину. Тут зазвонил мобильный телефон. Беглый взгляд на экран телефона заставил его чуть-чуть похолодеть. Хансер.

– Какого черта ей надо? – пробормотал Харальдссон, снова заглушая мотор. Может, не отвечать? Заманчиво, но вдруг парень уже вернулся. Возможно, именно это Хансер и хочет ему сообщить. Что он все время был прав. Он ответил.

Разговор продолжался всего 18 секунд и со стороны Хансер состоял из четырех слов.

– Где ты? – были первыми двумя.

– В машине, – в полном соответствии с истиной ответил Харальдссон. – Я только что побеседовал с учителями и подружкой в школе, где учится парень.

К своей великой досаде, Харальдссон сам услышал, что занял оборонительную позицию. Его голос прозвучал уступчиво. Чуть тоньше обычного. Черт, он ведь сделал все как надо.

– Немедленно приезжай.

Харальдссон только собрался объяснить, куда направляется, и спросить, почему такая спешка, но не успел ничего сказать – Хансер уже положила трубку. Чертова Хансер. Он завел машину, развернулся и поехал в отделение полиции.

Там его встретила Хансер. Холодные глаза. Слишком аккуратно уложенные светлые волосы. Прекрасно сидящий и наверняка дорогой костюм. Ей только что звонила взволнован-

ная Лена Эрикссон, которая интересовалась, что происходит, и теперь она сама вынуждена задаваться тем же вопросом. Что происходит?

Харальдссон быстро рассказал о проделанном за вторую половину дня, сумев четыре раза вставить, что получил дело только сегодня после обеда. Если ей хочется предъявить кому-то претензию, то следует обратиться к дежурившим в выходные.

– Обязательно, – спокойно ответила она. – Почему ты, зная о том, что с делом вышла проволочка, не проинформировал меня? О таких вещах мне непременно следует знать.

Харальдссон почувствовал, что история принимает нежелательный оборот. Он начал оправдываться:

– Подобное случается. Не могу же я, черт возьми, бегать к тебе, как только машина дает маленький сбой. У тебя ведь есть дела поважнее.

– Важнее, чем проследить за тем, чтобы мы незамедлительно начали поиски пропавшего ребенка?

Она смотрела на него вопросительно. Харальдссон молчал. Такое в его план не входило. Никак не входило.

Это происходило в понедельник. А теперь он стоял в мокрых носках на краю болота. Хансер пустила в ход всю артиллерию: опрос соседей и прочесывание местности, масштабы которой увеличивались с каждым днем. Пока без всякого результата. Накануне Харальдссон столкнулся в отделении с комиссаром полиции Лена и небрежно заметил, что эта история им обойдется недешево. Много народу работает по многу часов, чтобы отыскать парня, который развлекается в столице. Толком разобрать реакцию комиссара Харальдссон не сумел, но когда Рогер вернется со своей маленькой экскурсии, комиссар наверняка вспомнит его слова. Тогда он поймет, сколько денег попусту растратила Хансер. Подумав об этом, Харальдссон улыбнулся. Должностная инструкция – это одно, а интуиция полицейского – совсем другое. Такому не выучишься.

Харальдссон остановился. На полпути к холму. Одна нога вновь провалилась. На этот раз основательно. Он вытащил ногу. Без ботинка. Харальдссон успел лишь увидеть, как жижа хищно засасывает черный ботинок сорок третьего размера, а носок левой ноги тем временем впитал еще несколько миллилитров холодной воды.

Черт возьми, с него хватит.

Достаточно.

На колени, руку в ил, достать ботинок. Потом он поедет домой. Другие могут носиться тут и прочесывать эту проклятую местность. А ему надо оплодотворять жену.

5

Отпустив такси и облегчив кошелек на 380 крон, Себастиан оказался перед собственной квартирой на улице Грев-Магнигатан в районе Эстермальм². Он давно собирался от нее отделаться – жилье было дорогим и шикарным, словно предназначенным для успешного писателя, лектора с опытом работы в высшей школе и разветвленной сетью знакомств. Ничто из этого к нему больше не относилось. Но одна мысль о необходимости отбирать, паковать и перевозить нажитые за все годы вещи представлялась ему невыносимой. Поэтому он предпочел просто закрыть большую часть квартиры и пользоваться лишь кухней, комнатой для гостей и меньшей из ванных комнат. Остальное стояло неприкосновенным. В ожидании... чего-то.

Себастиан кинул беглый взгляд на вечно незастеленную кровать, но предпочел ей душ. Теплый и долгий. Ночная близость уже давно забылась. Может, он зря поспешил уйти? Сумела бы та женщина что-нибудь дать ему, останься он еще на несколько часов? Конечно, еще секса. И завтрак. Хлеб с соком. А потом? Окончательное прощание было неизбежным. Иначе это закончиться не могло. Тогда не стоило и затягивать. И тем не менее. Ему явно не доставало их недолгого единения, на мгновение приподнявшего его. Он уже вновь чувствовал себя отяжелевшим и опустошенным. Сколько же он на самом деле проспал? Два часа? Два с половиной? Похмелья, во всяком случае, не ощущалось. Он посмотрел на себя в зеркало. Глаза казались более уставшими, чем обычно, и ему подумалось, что скоро надо бы что-нибудь сделать с прической. Возможно, подстричься ежиком. Нет, тогда это будет слишком напоминать о нем прежнем. А прошлого больше не существует. Да, но можно подстричь бороду, укоротить волосы, даже мелировать несколько прядей. Он улыбнулся себе самой очаровательной улыбкой. «Просто невероятно, что это работает», – подумал он и внезапно ощутил страшную усталость. Поворот на сто восемьдесят градусов завершен. Пустота вернулась. Он посмотрел на часы. Может, все-таки стоит ненадолго прилечь? Себастиан знал, что сон обязательно вернется, но сейчас он чувствовал себя слишком уставшим, чтобы волноваться по этому поводу. Он настолько свыкся со своим спутником, что в те немногие разы, когда тому не удавалось нарушить его ночной покой, ему его даже не доставало.

Поначалу дело обстояло иначе. Сон терзал его месяцами, и Себастиан безумно устал от вечных пробуждений, от этого постоянного танца вокруг страха и удушья, надежды и отчаяния. Он начал основательно выпивать на ночь – решение проблем номер один для белых мужчин среднего возраста с высшим образованием и душевными переживаниями. На некоторое время ему удалось полностью отделаться от кошмарного сна, но его подсознание слишком быстро отыскивало путь, минующий преграды алкоголя, поэтому для достижения эффекта приходилось выпивать значительно больше и начинать все раньше и раньше. В конце концов Себастиан понял, что проиграл битву, и резко прекратил.

Решил дать отболеть.

Предоставить время.

Дать зарубцеваться.

Ничего не получилось. После еще некоторого времени постоянных ночных пробуждений он обратился к лекарствам – к чему обещал себе никогда не прибегать. Однако обещания не всегда удается сдержать, это Себастиан знал по собственному опыту, причем лучше большинства, особенно если перед тобой возникают действительно серьезные вопросы. Тогда требуется проявлять гибкость. Он обзвонил нескольких весьма сомнительных старых пациентов и извлек на свет божий свою книжку для выписки рецептов. Соглашение было простым: 50 на 50.

---

² Эстермальм – один из самых респектабельных районов Стокгольма.

Ему, естественно, позвонили из Управления здравоохранения и соцобеспечения и поинтересовались относительно внезапно выписанного им большого количества препаратов. Себастиан сумел все объяснить удачно сфабрикованными ложными сведениями о «возобновлении деятельности» и «интенсивной начальной фазе» с «пациентами на стадии поиска», однако все же немного увеличил количество пациентов, чтобы не было столь очевидно, чем он на самом деле занимается.

Поначалу он принимал в основном пропаван, прозак и декстпропроксифен, но они действовали раздражающе недолго, и Себастиан стал пробовать долконтин и другие субстанции на базе морфина.

Управление здравоохранения создавало ему, как оказалось, минимальные проблемы. С ними он справлялся. Хуже обстояло дело с эффектом от его экспериментирования. Сон, правда, исчез. Но у него исчезли также аппетит, большинство лекций и сексуальное влечение – совершенно новое для него и пугающее ощущение.

Но самым страшным было все-таки хроническое отсутствие концентрации. Казалось, будто он больше не способен додумать ни одну мысль до конца, а теряет ее где-то на полпути. Простейший бытовой разговор давался ему с известным трудом, а дискуссия или более длинное рассуждение стали совершенно недостижимы. Об анализах и выводах оставалось просто забыть.

Для Себастиана, само существование которого строилось на ощущении интеллекта, причем фундаментом собственного восприятия являлась иллюзия остроты своего мышления, это было ужасно. Жить с притупленным восприятием, правда, лишенным боли, но и куда большего – самой жизни, утратить возможность ощущать остроту. Всему есть предел. Себастиан понял, что вынужден выбирать: страх, но с полноценным мышлением, или вялая, приглушенная жизнь с недоразвитым сознанием. Он пришел к выводу, что, по всей видимости, возненавидит свое существование в любом случае, и выбрал страх, резко покончив и с лекарственными препаратами.

После этого он не притрагивался ни к спиртному, ни к наркотикам.

Не принимал даже таблеток от головной боли.

Но сон ему снился.

Каждую ночь.

«Почему это вдруг пришло в голову», – задумался он и посмотрел на себя в зеркало ванной комнаты. Почему сейчас? Ведь сон являлся его спутником на протяжении многих лет. Он изучал и анализировал его. Обсуждал его со своим психотерапевтом. Смирился, научился жить с этим сном.

Так почему же сейчас?

«Все дело в Вестеросе», – подумал он, вешая полотенце и выходя голым из ванной. Всему виной Вестерос.

Вестерос и его мать. Но сегодня он завершит эту главу своей жизни.

Окончательно.

Сегодня будет хороший день.

* * *

Для стоявшего в лесу возле болота Листачер Юакима этот день был лучшим за долгое время, а когда Юаким оказался одним из троих, кого выбрали для получения инструкций непосредственно от подошедшего к ним полицейского, день стал еще лучше. Обычное скучноватое собрание скаутов внезапно превратилось в нечто большее – в настоящее приключение. Юаким покосился на пистолет полицейского и решил, что непременно пойдет работать в полицию. Форма и пистолет. Как скауты, только значительно выше рангом. То что нужно. Потому что,

по правде говоря, Юаким уже больше не считал жизнь скаутов самым интересным занятием. Ему только что исполнилось четырнадцать, и то, что поглощало его свободное время начиная с шести лет, стало терять свою притягательную силу. Чары разрушились. Походы, выживание, звери и природа. Не то чтобы это казалось ему глупостью, хотя все остальные парни в его классе считали именно так. Нет, он чувствовал, что просто перерос это. В свое время все было здорово, спасибо, но теперь требовалось нечто иное.

Возможно, это сознавал и Томми, их руководитель.

Может, поэтому, когда они добрались до болота, тот и подошел к полицейским с военными и поинтересовался, что происходит.

Может, поэтому он и предложил полиции свои услуги и помощь группы.

Независимо от причины полицейский по имени Харальдссон, слегка поразмыслив и посомневавшись, пришел к выводу, что лишние девять пар глаз в лесу им в любом случае не повредят. Ребята смогут обследовать собственный маленький сектор. Харальдссон попросил Томми разбить скаутов на группы по три человека, выбрать руководителей и послать их к нему. Юаким вытащил счастливый билет. Он оказался в одной группе с Эммой и Алисой, самыми красивыми девочками отряда, а руководителем избрали его.

И теперь Юаким возвращался к ожидавшим его девочкам. Харальдссон был приятно краток и решителен, как полицейские в фильмах про Мартина Бека³. Юаким преисполнился собственной важности. Он уже прямо видел, как пройдет остаток этого потрясающего дня. Он найдет пропавшего мальчика сильно травмированным. Возможно, со сломанной ногой. Во всяком случае, мальчик будет смотреть на Юакима умоляющим взглядом и окажется настолько слаб, что не сможет говорить, но его глаза скажут все. Юаким поднимет его и понесет к остальным – вот так драматично. Остальные увидят его, заулыбаются, начнут аплодировать, кричать «ура!», и все получится чертовски здорово.

Вернувшись к группе, Юаким организовал ее членов следующим образом: Эмма пойдет слева от него, а Алиса – справа. Харальдссон строго приказал, чтобы цепочка двигалась равномерно, и Юаким, серьезно посмотрев на девочек, сказал, что важно держаться вместе. Наступил решающий момент. Выждав, как показалось, целую вечность, пока Харальдссон даст отмашку, цепочка прочесывающих лес наконец двинулась вперед.

Вскоре Юаким заметил, что держаться ровной цепочкой довольно трудно, хотя она и состояла всего из трех групп по три человека в каждой. Особенно когда они начали углубляться в лес и заболоченная местность раз за разом вынуждала их сворачивать с намеченного курса. Одной группе стало трудно выдерживать темп, вторая его не сбавляла и вскоре скрылась за холмами. В точности как говорил Харальдссон, и Юаким проникся к нему еще большим уважением. Он, казалось, знает все. Юаким улыбнулся девочкам и заставил их повторить последние слова Харальдссона:

– Если что-нибудь обнаружите, кричите: «Находка!»

Эмма с раздражением кивнула:

– Ты это уже тысячу раз говорил.

Юаким не стал расстраиваться из-за ее ответа. Щурясь от светившего в глаза солнца, он зашагал дальше, пытаясь соблюдать расстояние и равнение. Хотя делалось все труднее. И он уже больше не видел группу Лассе, которая только что находилась чуть левее них.

Через полчаса Эмме захотелось отдохнуть. Юаким попытался заставить ее понять, что останавливаться нельзя. Они могут отстать и потерять остальных.

– Кого остальных?

Алиса многозначительно улыбнулась. Юаким сообразил, что они уже какое-то время не видят остальных.

---

³ Мартин Бек – центральный персонаж детективных романов Май Шёвалль и Пера Валё.

– Судя по звукам, они идут позади нас.

Все трое умолкли и стали особенно внимательно прислушиваться. Где-то вдали доносились слабые звуки. Кто-то кричал.

– Нет, пойдем дальше, – решил Юаким, хотя в глубине души чувствовал, что Алиса, вероятно, права. Похоже, они двигались слишком быстро. Или не в ту сторону.

– Тогда иди один, – сердито глядя на него, ответила Эмма.

Юаким на секунду почувствовал, что теряет контроль над группой и Эмма начинает от него отдаляться. А ведь за последние тридцать минут она несколько раз ласково взглянула на него. Юаким весь покрылся потом, и не только из-за слишком теплого белья. Он же гнал их, чтобы произвести на нее впечатление, неужели она не понимает? А теперь выходит, будто он еще и виноват.

– Ты проголодался? – прервала его мысли Алиса. Она достала из рюкзака несколько сэндвичей.

– Нет, – ответил он чуть слишком поспешно, прежде чем сообразил, что, конечно, проголодался.

Юаким немного отошел от них и встал на холме, чтобы это выглядело так, будто у него есть какой-то план. Эмма радостно взяла сэндвич, не обращая никакого внимания на попытки Юакима принять важный вид. Он понял, что надо менять тактику. Сделал глубокий вдох, наполнив легкие свежим лесным воздухом. Небо затянули облака, и солнце исчезло вместе с обещанием отличного дня. Юаким вернулся к девочкам. Решил смягчить тон.

– Я все-таки с удовольствием возьму сэндвич, если у тебя еще что-нибудь осталось, – сказал он как можно приветливее.

– Конечно, – ответила Алиса и вытащила ему завернутый в пластиковый пакет бутерброд. Она улыбнулась, и Юаким понял, что такая тактика, пожалуй, подходит лучше.

– Интересно, где мы находимся, – продолжила Эмма, вынимая из кармана маленькую карту.

Все трое сгрудились вокруг карты и попытались догадаться, где они находятся. Это оказалось довольно трудно, поскольку местность не имела каких-либо отчетливых ориентиров, лишь холмы, чередовавшиеся с лесом и болотом. Но ребята знали, откуда они стартовали и в каком приблизительно направлении двигались.

– Мы все время шли на север, значит, должны быть где-то в этом районе, – предположила Эмма.

Юаким восхищенно кивнул – Эмма здорово соображает.

– Пойдем дальше или подождем остальных? – спросила Алиса.

– Я считаю, надо идти, – быстро ответил Юаким, но молниеносно добавил: – Или вам хочется подождать?

Он посмотрел на девочек – на Эмму с ярко-голубыми глазами и нежным лицом и Алису с чуть более резкими чертами. «Обе выглядят классно», – подумал он, и ему вдруг захотелось, чтобы они предложили подождать остальных. А те бы не шли долго-долго.

– Пожалуй, действительно стоит пойти дальше. Если мы сейчас здесь, то находимся недалеко от того места, где должны снова собраться вместе, – сказала Эмма, показывая на карту.

– Да, хотя вы правы, другие группы остались позади нас, так что можно с таким же успехом и подождать их, – попытался Юаким.

– Я думала, ты хочешь оказаться первым, ведь ты рванул вперед, как крутой спринтер, – вмешалась в разговор Алиса.

Девочки засмеялись, и Юаким прислушался к собственному ощущению. С симпатичными девчонками смеяться приятно, решил он и в шутку слегка подтолкнул Алису.

– Ты тоже неслась довольно неслабо.

Они принялись гоняться друг за другом. Побежали между глубокими лужами, поначалу бесцельно, но после того, как Эмма угодила в одну из луж, стали стараться замочить друг друга. Получился чудесный перерыв в скучноватом прочесывании местности – как раз то, что требовалось Юакиму. Он побежал за Эммой и на секунду схватил ее за руку. Девочка вырвалась и попыталась удрать от него, сделав несколько быстрых шагов. К сожалению, она угодила левой ногой под торчащий корень и потеряла равновесие. На секунду показалось, что Эмма сможет снова подняться на ноги, однако глина вокруг воды была скользкой, и девочка провалилась в лужу по талию. Юаким засмеялся, но Эмма закричала. Он умолк и подошел к ней. Эмма закричала еще громче. «Странно, – подумал Юаким. – Что тут такого страшного? Немного воды». Тут он увидел едва заметно торчащее перед Эммой белесое тело. Оно словно бы лежало под водой в ожидании своей жертвы. Невинные детские игры кончились. Их сменили паника и головокружение. Эмму рвало, Алиса плакала. Юаким замер, не отрывая взгляда от зрелища, которое будет преследовать его всю оставшуюся жизнь.

В первый раз увидеть покойника нелегко.

От того, что тебе всего четырнадцать лет, легче не делается.

Харальдссон лежал в постели и дремал. Йенни лежала рядом, подсунув подушку под попу и поставив ступни на матрас. Ей не захотелось затягивать дело.

– Лучше уж покончить с этим сразу, тогда мы успеем еще разок до того, как мне надо будет возвращаться.

Покончить. Есть ли в шведском языке более расхолаживающее слово? Харальдссон сомневался. Но теперь они покончили, и Харальдссон дремал. У кого-то играл дебютный альбом группы ABBA. Ring Ring.

– Твой телефон звонит, – Йенни толкнула его в бок.

Харальдссон проснулся, прекрасно сознавая, что ему не следовало бы находиться в постели рядом с женой. Он схватил с пола брюки и вытащил из кармана мобильник. Ну конечно, Хансер. Он сделал глубокий вдох и ответил.

На этот раз тоже четыре слова.

– Где тебя черти носят?

* * *

Хансер раздраженно положила трубку. «Вывихнул ногу». Черт бы его побрал. У нее было сильное желание поехать в больницу или хотя бы послать туда машину, только чтобы получить неопровержимое доказательство против этого мерзавца. Но времени не было. Совершенно внезапно она сделалась ответственной за раскрытие убийства. Нельзя сказать, чтобы ситуацию облегчало то обстоятельство, что руководителя сил, отправленных к болоту Листачер, не оказалось на месте или что он согласился подключить к прочесыванию малолетних скаутов. Детей, которым теперь требовалось организовывать психологическую помощь, после того как одна девочка провалилась в воду и, поднимаясь, вытащила за собой труп.

Хансер покачала головой. С этим исчезновением все изначально пошло наперекосяк. Абсолютно все. Теперь промахам необходимо положить конец. С этого момента они должны действовать правильно. Как профессионалы. Она посмотрела на трубку, которую по-прежнему держала в руке. У нее родилась идея. Конечно, это ответственный шаг. Многим он показался бы преждевременным. Он вполне может подорвать ее репутацию как руководителя. Впрочем, она уже давно дала себе слово не бояться неудобных решений. На карту поставлено слишком многое.

Погиб мальчик.

Убит.

Надо подключать к работе лучшие силы.

– Тебя к телефону, – сказала Ванья, заглядывая к Торкелю Хёглунду.

Его кабинет, как и почти все вокруг Торкеля, был строгим и простым. Никаких излишеств, никаких дорогих вещей, почти ничего личного. Благодаря мебели, привезенной с какого-то крупного склада, комната больше походила на кабинет директора средней руки в маленьком городке со скромным бюджетом, нежели на кабинет одного из самых высокопоставленных руководителей полиции Швеции. Некоторые из его коллег считали странным, что человек, отвечающий за отдел расследования убийств Государственной уголовной полиции, не стремится показать миру, чего он достиг. Другие толковали это как то, что успехи не ударили ему в голову. Правда же была более простой и приземленной: Торкелю вечно не хватало времени. У него много сил отнимала работа, он постоянно находился в разъездах и был не из тех людей, кому хочется посвящать свободное время отделке кабинета, где он довольно редко сидит.

– Звонят из Вестероса, – продолжила Ванья, садясь напротив него. – Там убили шестнадцатилетнего мальчика.

Торкель посмотрел, как Ванья усаживается поудобнее. Беседовать ему явно предстояло при свидетеле. Торкель кивнул и поднял трубку. Со времени второго развода ему казалось, что речь в телефонных разговорах теперь идет исключительно о внезапной трагической смерти. Уже более трех лет никто не интересовался тем, придет ли он домой к ужину, или чем-либо другим приятно тривиальным.

Имя он узнал – Керстин Хансер, начальница полиции Вестероса, с которой он познакомился несколько лет назад на курсах повышения квалификации. Хороший человек и наверняка толковый руководитель, подумалось ему тогда, он помнил также, что обрадовался, узнав о ее новой должности. Сейчас ее голос звучал сдавленно и напряженно.

– Мне требуется помощь, и я решила вызвать бригаду из Государственной уголовной полиции, больше всего мне бы хотелось, чтобы вы приехали лично, – услышал Торкель в трубке. – Думаете, это возможно? – продолжила она почти умоляюще.

Торкель на секунду подумал, что хорошо бы уклониться – он со своей командой только что вернулся после довольно неприятного расследования в Линчёпинге, – но он понимал, что раз Керстин Хансер звонит, значит, ей действительно нужна помощь.

– Мы наделали ошибок с самого начала. Существует риск, что дело выйдет из-под контроля, поэтому мне действительно требуется ваша помощь, – продолжила она, словно услышав его сомнения.

– О чем, собственно, идет речь?

– Шестнадцатилетний мальчик. Пропал неделю назад. Найден мертвым. Убит. Жестоко.

– Пришлите мне весь материал по электронной почте, я посмотрю, – ответил Торкель, глядя на Ванью, которая встала, подошла к другому телефону и подняла трубку.

– Билли, зайди в кабинет к Торкелю. У нас есть работа, – сказала она в черную трубку, перед тем как вновь положить ее.

Похоже, она уже знала, каким будет окончательный ответ Торкеля. Она, казалось, знала это во всех случаях. Торкель испытал гордость и легкое раздражение. Ванья Литнер была его ближайшим союзником в команде. Несмотря на незначительный возраст – ей только что исполнилось тридцать, – за два года, которые Ванья проработала с ним, она выросла в опытного и, на взгляд Торкеля, почти раздражающе талантливого полицейского. В ее возрасте он и сам стремился стать именно таким. Закончив разговор с Керстин Хансер, Торкель улыбнулся Ванье.

– Начальником тут по-прежнему являюсь я, – начал он.

– Знаю, я просто соберу команду, чтобы ты смог слышать наши точки зрения. А там уж решение, как всегда, за тобой, – сказала она, сверкнув глазами.

– Конечно, конечно, можно подумать, что у меня есть выбор, если уж ты за что-то взялась, – ответил он, вставая. – Значит, надо начинать складывать вещи, мы едем в Вестерос.

* * *

Билли Русэн вел фургон по шоссе E18. Как всегда, слишком быстро. Торкель уже давно прекратил делать ему замечания. Вместо этого он сконцентрировался на полученном материале об убитом Рогере Эрикссоне. Отчет оказался довольно кратким и скудным, ответственный следователь Тумас Харальдссон был, похоже, не из тех, кто особенно надрывается. Вероятно, придется начинать все сначала. Торкель знал, что на дела такого рода обожают набрасываться вечерняя пресса. Ситуация усугублялась тем, что предварительная причина смерти, установленная на месте обнаружения трупа, указывала на то, что мальчик подвергся жестокому нападению и получил многочисленные ножевые ранения в область сердца и легких. Правда, больше всего беспокоило Торкеля не это, а короткая заключительная фраза из отчета врача с места обнаружения трупа:

«Предварительное обследование показывает, что у покойного почти полностью отсутствует сердце». Торкель посмотрел в окно на мелькавшие за ним деревья. Кто-то изъездил сердце. Торкель надеялся ради всех, что мальчик не увлекался тяжелым роком или не был заядлым игроком в компьютерную игру World of Warcraft. Иначе в прессе появятся совершенно безумные теории.

Более безумные, поправил он себя.

Ванья оторвала взгляд от собственной папки. Она явно прочла то же предложение.

– Вероятно, стоит сразу вызвать Урсулу, – сказала она, как всегда, прочитав его мысли.

Торкель кивнул.

– Адрес у нас имеется? – оглянувшись назад, спросил Билли.

Торкель дал ему адрес, и Билли быстро ввел его в GPS-навигатор. Торкелю не нравилось, когда Билли, сидя за рулем, занимался чем-то посторонним, но тот хотя бы снизил скорость, пока вводил место назначения. Хотя что-то.

– Осталось полчаса. – Билли снова нажал на газ, и большой фургон мгновенно отреагировал. – Возможно, сумеем добраться за двадцать минут – в зависимости от движения.

– Полчаса вполне подойдет. Мне не нравится, когда мы преодолеваем звуковой барьер.

Билли прекрасно знал мнение Торкеля о его вождении, но лишь улыбнулся шефу в зеркало заднего вида. Хорошая дорога, хорошая машина, хороший водитель. Почему бы не использовать это по максимуму?

Билли еще увеличил скорость.

Торкель достал телефон и набрал номер Урсулы.

6

Поезд отошел от Центрального вокзала Стокгольма в 16:07. Себастиан уселся в вагон первого класса. Когда они выезжали из города, он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Раньше он непременно засыпал в поездах. Но теперь, хоть и чувствовал всем телом, что часок сна пошел бы ему на пользу, он никак не мог обрести требуемое спокойствие.

Себастиан достал, вскрыл и прочел письмо из похоронного бюро. Он заранее знал, о чем в нем говорится. Одна из бывших коллег матери позвонила ему и сообщила, что та скончалась. «Тихо и достойно», – сказала она. Тихая и достойная – такова жизнь его матери в двух словах. Ничего положительного в них не заключалось, во всяком случае, если тебя зовут Себастиан Бергман, – нет, для него жизнь являла собой борьбу с первой до последней минуты. Тихие и достойные для него не существовали. Обычно он называл их мертвыми и скучными, живущими одной ногой в могиле. Теперь его уверенность поколебалась. Как бы сложилась его жизнь, будь он тихим и достойным?

Вероятно, лучше.

Менее болезненно.

Во всяком случае, в этом его пытался убедить Стефан Хаммарстрём, психотерапевт Себастиана. Они обсуждали это в одну из последних встреч, когда Себастиан рассказал ему о смерти матери.

– Насколько опасным тебе представляется быть как все? – спросил Стефан, когда Себастиан изложил ему свое отношение к тихому и достойному.

– Безумно опасным, – ответил Себастиан. – Вероятно, смертельным.

Потом они просидели почти час, обсуждая генетическую предрасположенность человека к опасности. Данную тему Себастиан очень любил.

Он уже понял важность опасности как движущей силы, отчасти по собственной жизни, отчасти по своему исследованию, посвященному серийным убийцам. И рассказал терапевту, что для серийного убийцы истинным толчком являются две вещи: фантазия и опасность. Фантазия – это мотор, который крутится, постоянно присутствуя, хоть и вхолостую.

У большинства людей имеются фантазии – сексуальные, темные, жестокие, – постоянно выпячивающие собственное «я», постоянно уничтожающие то или тех, кто встает на пути. В фантазиях человек всемогущ. Мало кто изживает свои фантазии. Те, кому это удастся, сумели найти ключ.

Опасность.

Риск, что тебя обнаружат.

Риск отважиться на запретное.

В этот миг на свободу вырываются адреналин и эндорфин. Это горючее, которое взрывается и заставляет мотор работать на пределе возможного. Поэтому любители отключаться ищут новые наркотики, а серийные убийцы становятся серийными убийцами. Трудно вернуться обратно к холостому ходу, когда ты уже запустил мотор. Почувствовал силу. Обнаружил, что побуждает тебя жить. Опасность.

– Ты действительно имеешь в виду опасность, а не напряжение? – спросил Стефан, склонившись вперед, когда Себастиан умолк.

– У нас что, урок шведского языка?

– Нет, ты читаешь лекцию. – Стефан налил из стоявшего возле него графина стакан воды и протянул Себастиану. – А тебе случалось получать за лекции деньги, вместо того чтобы самому платить за их чтение?

– Я плачу за то, чтобы ты слушал. Что бы я ни говорил. – Себастиан улыбнулся и покачал головой.

– Нет, ты знаешь, за что мне платишь. Тебе требуется помощь, а такие маленькие отступления сокращают время на разговор, который нам действительно следует вести.

Себастиан не ответил. Не пошевелил ни единым мускулом лица. Стефан ему нравился. Не какое-то там фуфло.

– Давай вернемся к твоей матери. Когда похороны?

– Они уже состоялись.

– Ты там был?

– Нет.

– Почему?

– Потому что считал, что это церемония для людей, которые ее действительно любили. Стефан несколько секунд молча рассматривал его.

– Вот видишь, нам много о чем надо поговорить.

За окнами покачивающегося вагона открывался красивый вид. Поезд проезжал через только что зазеленевшие луга и леса к северо-западу от Стокгольма. Сквозь деревья мелькнуло во всем своем блеске переливающееся красноватыми красками озеро Меларен. У любого другого пассажира, вероятно, пробуждалась мысль о возможностях жизни. Для Себастиана все было строго наоборот. В окружавшей его красоте он не видел никаких возможностей. Себастиан поднял взгляд к потолку. Всю жизнь он провел в бегах от родителей. От отца, с которым боролся начиная с юности, и от матери, тихой и достойной, но никогда не встававшей на его сторону. Никогда. Так ему казалось.

На мгновение у него на глаза навернулись слезы. Это достижение последних лет. Слезы. «Странно, – подумал он, – что человеку в моем возрасте приходится открывать такую простую вещь, как слезы».

Эмоционально.

Иррационально.

Вот уж чего ему никогда не хотелось. Он перешел к единственному средству, способному, по его мнению, заглушить чувства, – к женщинам. Еще одно нарушенное обещание. Себастиан вел порядочный образ жизни с того момента, как встретил Лили и решил хранить ей верность. Однако из-за посещавшего его по ночам изнуряющего сна и пустых, бессмысленных дней он не видел иного выхода. Краткие мгновения с разными женщинами заполняли его жизнь, а погоня за новыми победами делала свое дело – мыслям удавалось хотя бы на время выдавливать ощущение бессилия. Он функционировал как мужчина, как любовник, как хищник, постоянно охотящийся за новыми женщинами. Эту способность он пронес через все. Его это радовало и пугало. Это составляло всю его сущность. Одиноким мужчиной, заполняющий время молодыми и старыми, студентками и коллегами, замужними и незамужними. Он не гнушался никем. Для него существовало лишь одно правило: она должна покориться ему. Показать, что он чего-то стоит, что он живет. Он сам понимал, насколько деструктивно его поведение, но пристрастился к нему и отбрасывал мысль о том, что однажды ему, вероятно, придется искать иной выход.

Себастиан стал осматриваться в полупустом вагоне. Его взгляд остановился на сидевшей чуть поодаль брюнетке. Около сорока, дорогая серо-голубая блузка, дорогие золотые серьги. «Не слишком жеманная», – подумал он. Она читала книгу. Отлично, читающие книги сорокалетние женщины, согласно его опыту, занимали третье место в шкале трудности. В некоторой зависимости от того, что именно они читают, но тем не менее.

Он встал и прошел несколько шагов до ее места.

– Я иду в вагон-ресторан, вы что-нибудь хотите?

Женщина с удивлением оторвалась от книги, сомневаясь, к ней ли он обращается. Встретившись с ним взглядом, поняла, что явно к ней.

– Нет, спасибо, мне ничего не надо.

Она почти демонстративно вновь погрузилась в книгу.

– Точно? Даже чашки кофе?

– Нет, спасибо.

На этот раз она даже не подняла взгляд.

– Чаю? Горячего шоколада?

Тут она оторвала взгляд от книги и посмотрела на Себастиана с некоторым раздражением. Себастиан улыбнулся почти патентованной улыбкой:

– Теперь можно получить даже вино, но, пожалуй, еще слишком рано.

Женщина не ответила.

– Вас, вероятно, удивляет, почему я спрашиваю, – продолжал Себастиан. – Я вынужден. Я чувствую, что мой долг – спасти вас от этой книги. Я ее читал. Вы еще будете меня благодарить.

Женщина подняла глаза и снова встретилась с ним взглядом. Себастиан улыбался. Женщина улыбнулась в ответ.

– Я бы с удовольствием выпила чашечку кофе. Черного, без сахара.

– Будет исполнено.

Новая краткая улыбка, когда Себастиан продолжил путь по вагону. Возможно, поездка в Вестерос все-таки получится недурственной.

* * *

В отделении полиции Вестероса кипела бурная деятельность. Керстин Хансер немного нервно взглянула на часы. Надо идти. Бог свидетель, до чего же не хочется. Она могла назвать девяносто девять вещей, которыми занялась бы охотнее, чем поездкой в морг и встречей с Леной Эрикссон. Но деваться некуда. И пусть они были на сто процентов уверены в том, что найденный мальчик действительно Рогер Эрикссон, мать хотела увидеть его собственными глазами. Хансер пыталась отговорить ее, но Лена Эрикссон стояла на своем: она хочет увидеть сына. Они собирались отправиться в морг прямо с утра, но мать дважды откладывала визит. Почему, Хансер не знала, да ее это и не волновало. Больше всего ей хотелось, чтобы визит вообще не состоялся, во всяком случае с ее участием. Эту часть работы она откровенно не любила, и, по правде говоря, она не слишком хорошо ей удавалась. Хансер старалась при любой возможности избегать подобных ситуаций, но все, похоже, предполагали, что она должна справляться с ними лучше других только потому, что она женщина. Ей якобы проще находить нужные слова, и ее присутствие приносит скорбящим родственникам известное облегчение исключительно в силу ее пола. Хансер считала это полной ерундой. Она никогда не знала, что говорить. Могла выразить глубокое сочувствие, возможно, обнять, подставить плечо для рыданий, дать номер телефона, по которому можно с кем-нибудь поговорить, неоднократно заверить в том, что полиция приложит все усилия для поимки того, кто причинил им столько страданий. На это она, разумеется, была способна, но речь, как правило, шла лишь о том, чтобы постоять рядом. А с этим мог справиться кто угодно.

Она даже не могла припомнить, кто ходил с ними от полиции, когда они с мужем опознавали Никласа. Там был какой-то мужчина. Просто стоял рядом.

Вообще-то она могла послать кого-нибудь другого. Наверняка так бы и поступила, если бы расследование изначально шло иным образом. Теперь же рисковать было нельзя. Их повсюду преследовала пресса. Об отсутствии сердца журналисты явно уже знали – и, конечно, скоро узнают о том, что полиция начала искать мальчика только через трое суток после исчезновения. А также про психологическую травму, нанесенную в лесу малолетним скаутам, и «тяжелый вывих» Харальдссона. С настоящего момента расследование пойдет безупречно.

Она за этим проследит. Будет сотрудничать с лучшими силами и быстро покончит с этим жутким делом. Таков был ее план.

Зазвонил телефон.

Звонили из приемной дежурного.

Ее разыскивает Государственная комиссия по расследованию убийств. Хансер бросила взгляд на настенные часы. Быстро доехали. Все сразу. Она чувствовала, что необходимо с ними хотя бы поздороваться. Лене Эрикссон придется несколько минут подождать, ничего не поделаешь. Хансер поправила блузку, распрямила плечи и вышла на лестницу, ведущую ко входу в здание. Она остановилась возле запертой двери, отделявшей приемную от внутренних помещений отделения. Через красивое узорчатое стекло она увидела Торкеля Хёглунда, спокойно расхаживающего с руками за спиной. На зеленом диване у выходящего на улицу окна сидели мужчина и женщина. Оба моложе Хансер. «Коллеги Торкеля», – подумала она, нажимая на кнопку и открывая дверь. Торкель обернулся на щелчок замка и улыбнулся, увидев Хансер.

Внезапно она слегка засомневалась. Как правильно поступить? Объятия или коллегиальное рукопожатие? Они несколько раз встречались на курсах, несколько раз вместе обедали, виделись в коридорах. Торкель разрешил ее сомнения: пошел ей навстречу и по-дружески обнял. Потом обернулся к вставшим с дивана коллегам и представил их. Керстин Хансер поздоровалась.

– К сожалению, я немного спешу, мне надо к судмедэкспертам.

– Мальчик?

– Да.

Хансер обратилась к дежурному:

– Харальдссон?

– Должен спускаться. Я позвонил ему сразу после разговора с вами.

Хансер кивнула. Вновь бросила взгляд на часы. Слишком сильно опаздывать нельзя. Она быстро посмотрела на Ванью и Билли, но заговорила, обращаясь к Торкелю:

– До настоящего момента расследование вел Харальдссон.

– Да, я видел его имя в полученном нами материале.

Хансер испуганно вздрогнула. Неужели в голосе Торкеля прозвучала некоторая снисходительность? По лицу, правда, этого не скажешь.

Где Харальдссона носит на этот раз? Хансер уже собралась достать мобильный телефон, но тут щелкнул замок двери, через которую она сама вышла несколькими минутами раньше, и в приемную, сильно хромя, вошел Харальдссон. Двигался он вызывающе медленно, но в конце концов все-таки подошел и поздоровался с вновь прибывшими.

– Что у вас с ногой? – Торкель многозначительно кивнул на правую ногу Харальдссона.

– Вывихнул во время прочесывания леса, когда мы искали парня. Поэтому меня не оказалось на месте, когда его нашли. – Последнюю фразу он обратил к Хансер, бросив на начальницу быстрый взгляд.

Она не верит ему, это он знал. Значит, в ближайшее время надо не забывать хропать. Ведь не станет же она звонить в больницу? А если позвонит, ей все равно не сообщат, был он там или нет. Это ведь должно подпадать под какой-то пункт о неприкосновенности пациентов? Работодатели же не имеют права смотреть карточки своих сотрудников? Или все-таки имеют? Придется справиться в профсоюзе. Харальдссон настолько погрузился в собственные размышления, что на мгновение прекратил слушать начальницу. Тут он заметил, что она смотрит на него с самым серьезным видом.

– Торкель с командой забирают расследование в свои руки.

– У тебя? – Харальдссон откровенно изумился.

Этого он никак не ожидал. Жизнь сразу показалась ему светлее. Это ведь группа настоящих полицейских, таких же как он. Естественно, они больше оценят его работу, чем привыкший сидеть за столом юрист, каковым является его шеф.

– Нет, главная ответственность по-прежнему останется на мне, но руководить оперативной частью расследования с настоящего момента станет комиссия из Государственной уголовной полиции.

– Вместе со мной?

Хансер вздохнула про себя, моля Бога о том, чтобы Вестерос не захлестнула волна преступлений. Иначе у них не будет ни малейшего шанса справиться.

Ванья бросила веселый взгляд на Билли. Торкель слушал беседу с непроницаемым видом. Хуже всего начинать сотрудничество с унижения местной полицейской власти или приуменьшения ее роли. Торкель никогда не любил подчеркивать свое превосходство. Существуют лучшие способы добиваться от всех максимума.

– Нет, они будут полностью отвечать за расследование. У тебя это задание забирают.

– Но нам, разумеется, больше всего хотелось бы работать в тесном сотрудничестве, – вмешался в разговор Торкель, серьезно глядя на Харальдссона. – Вы обладаете уникальными знаниями по этому делу, которые могут оказаться решающими для достижения успеха.

Ванья посмотрела на Торкеля с восхищением. Сама она уже поместила Харальдссона в папку БС – Безнадежный Случай; следовало дать ему изложить свою версию дела, а затем отстранить от расследования как можно дальше.

– Значит, я буду работать вместе с вами?

– Вы будете работать поблизости от нас.

– Насколько близко?

– Посмотрим. Пожалуй, начнем с того, что вы проинформируете нас обо всем, что произошло до настоящего момента, и мы сразу приступим к делу. – Торкель положил руку на плечо Харальдссона и осторожно повел того к двери.

– Увидимся позже, – бросил он через плечо Хансер.

Билли пошел к дивану, чтобы забрать вещи, а Ванья осталась стоять на месте. Она была готова поклясться, что бывший руководитель расследования прошел первые шаги вместе с Торкелем не хромая.

* * *

Лена Эрикссон сидела в маленьком зале ожидания, засовывая в рот еще один смягчающий горло леденец. Коробочку с леденцами она стащила на работе. Вчера. Они лежали на полке возле кассы. Эвкалипт. Не самый ее любимый сорт, но она просто взяла ближайшую коробочку, когда они закрывали магазин, и сунула в карман, толком не посмотрев.

Вчера.

Когда она еще пребывала в уверенности, что ее сын жив. Слепо поверив разговаривавшему с ней полицейскому, который сказал, что все указывает на то, что Рогер отправился куда-то по собственному желанию. Возможно, в Стокгольм. Или в какое-то другое место. Маленькое приключение подростка.

Вчера.

Не просто другой день, а совершенно иной мир. Когда была жива надежда.

Сегодня ее сын исчез навсегда.

Убит.

Найден в болоте.

Без сердца.

Получив известие о смерти, Лена целый день не покидала квартиры. Ей следовало встретиться с полицейскими с утра, но она позвонила и отложила встречу. Дважды. Не могла встать. Какое-то время она боялась, что вообще больше не сумеет подняться на ноги. Поэтому сидела в кресле. В гостиной, где они проводили все меньше времени вместе, она и сын. Лена пыталась припомнить, когда они в последний раз сидели тут вместе.

Смотрели фильм.

Ели.

Разговаривали.

Жили.

Она не помнила. Вероятно, сразу после того, как Рогер пошел в эту чертову школу, предположила она. Проведя всего несколько недель с тамошними юными снобами, он изменился. В последний год они жили более или менее порознь.

Ей непрерывно звонили из вечерних газет, но она не хотела ни с кем разговаривать. Пока. Под конец она сняла трубку со стационарного телефона и отключила мобильник. Тогда они приехали к ней домой, кричали в дверную щель для почты, бросали записки на коврик в прихожей. Но она так и не открыла. Не встала с кресла.

Ее сильно мучило. Кофе из автомата, который она выпила, добравшись домой, застрял в горле. Ела ли она что-нибудь со вчерашнего дня? Вероятно, нет. Но пила. Спиртное. Обычно она не выпивала. В больших количествах. Проявляла во всем умеренность, во что с трудом верилось встречавшим ее людям. Осветленные домашними средствами волосы с темными корнями. Лишний вес. Отслаивающийся лак на ногтях пухлых, украшенных кольцами пальцев. Пирсинг. Пристрастие к трикотажным брюкам и свободным футболкам. Большинство людей быстро создавали себе впечатление о Лене при первой же встрече. Значительная часть их предубеждений вообще-то подтверждалась. Хроническая нехватка денег. В восьмом классе бросила школу. Забеременела, когда ей было семнадцать.

Мать-одиночка.

Низкооплачиваемая работа.

Но злоупотребление алкоголем – нет, никогда.

Однако сегодня она выпила. Чтобы заглушить тоненький голос, напомнивший о себе откуда-то из задней части головы, как только она получила известие о смерти, и усилившийся в течение дня. Голос, не желавший исчезать.

У Лены разболелась голова. Ей явно требовался свежий воздух. И сигарета. Она встала со стула, подняла с пола сумку и пошла к выходу. Ее сношенные каблуки одиноко и гулко застучали по каменному полу. Почти достигнув цели, она увидела, как в крутящуюся дверь поспешно вошла одетая в костюм женщина лет сорока пяти. Женщина решительным шагом направилась к ней.

– Лена Эрикссон? Я Керстин Хансер, полиция Вестероса. Извините, что опоздала.

В лифте они ехали молча. На подвальном этаже Хансер открыла дверь, пропустив Лену вперед. Потом они продолжили путь по коридору, пока им навстречу не вышел лысый мужчина в очках и белом халате. Он провел их в небольшое помещение, где в освещении лампы дневного света одиноко стояли носилки-каталка. Под белой простыней четко проступали контуры тела. Хансер с Леной приблизились к носилкам, а лысый мужчина спокойно обошел и встал с другой стороны. Он встретился с Хансер взглядом, та коротко кивнула. Тогда он аккуратно отогнул простыню, обнажив лицо и шею Рогера Эрикссона до ключиц. Лена спокойно смотрела на носилки, а Хансер почтительно отступила на шаг назад. Она не услышала от стоявшей рядом женщины ни резкого вдоха, ни сдавленного крика, ни всхлипывания. Не увидела инстинктивно поднятой ко рту руки. Ничего.

Хансер удивилась, еще когда они встретились в зале ожидания. Лицо Лены не было красным и опухшим от слез. Она не казалась убитой горем или из последних сил собравшейся, скорее, была почти спокойной. Впрочем, Хансер ощутила в лифте приглушенный таблетками запах алкоголя и догадалась, что это и является причиной столь малого душевного волнения. Это – и шок.

Лена стояла неподвижно и смотрела на сына. Чего она ожидала? В общем-то ничего. Она даже не решалась подумать о том, как он будет выглядеть. Не могла представить себе своих чувств, когда окажется там. Что должно было сделать с ним время, проведенное в воде? Он немного опух, это точно. Будто у него аллергическая реакция. А в остальном ей показалось, что он выглядит как обычно. Темные волосы, светлая кожа, выделяющиеся черные брови, намек на усы на верхней губе. Закрытые глаза. Безжизненный, разумеется.

– Я думала, будет выглядеть так, будто он спит.

Хансер молчала. Лена повернула к ней голову, словно желая получить подтверждение тому, что не ошибается.

– Но так не выглядит.

– Да.

– Я столько раз видела его спящим. Особенно когда он был маленьким. Я имею в виду – он неподвижен. Прикрыл глаза, но...

Лена не закончила фразу. Она протянула руку и дотронулась до Рогера. Холодный. Мертвый. Она задержала руку на его щеке.

– Я потеряла сына, когда ему было четырнадцать.

Не отрывая руки от щеки мальчика, Лена слегка повернула голову в сторону Хансер.

– Неужели?

– Да...

Снова молчание. Почему она это сказала? Хансер никогда прежде не рассказывала этого никому в подобной ситуации. Но в стоящей возле носилок женщине было нечто особенное. У Хансер возникло ощущение, будто та не позволяет себе горевать. Не может. Или даже не хочет. Она сказала об этом с целью утешить. Протянуть руку, чтобы показать, что понимает, через что Лене придется пройти.

– Его тоже убили?

– Нет.

Внезапно Хансер почувствовала себя дурой. Будто ее комментарий замыслился как сравнение страданий. «Я ведь тоже кое-кого потеряла, вот так». Но Лена, казалось, уже перестала об этом думать. Она повернулась и вновь стала смотреть на своего единственного сына.

Как много лет он был ее единственной гордостью.

Или как много лет он был для нее всем.

Точка.

Это твоя вина? – начал спрашивать голосок в голове. Лена убрала руку и отступила на шаг. Головная боль сделалась невыносимой.

– Я, пожалуй, лучше пойду.

Хансер кивнула. Лысый мужчина вернул простыню на место, а женщины направились к двери. Лена начала вытаскивать из сумки пачку сигарет.

– Вам есть кому позвонить? Вам, наверное, не стоит оставаться одной?

– Но ведь так и есть. Теперь я одна.

Лена покинула комнату.

Хансер осталась стоять на месте.

Все как она и предполагала.

* * *

Конференц-зал в отделении полиции Вестероса был совсем недавно переоборудован. Мебель из светлой березы завезли всего несколько недель назад. Восемь стульев вокруг овального стола. Три стены покрывали новые обои расслабляющего, пастельного зеленого оттенка, а четвертая стена представляла собой комбинацию из белой доски и экрана. В углу возле двери стояло новое оборудование, соединенное с проектором на потолке. В центре овального стола находилась панель, управлявшая всем в комнате. Едва ступив на серое ковровое покрытие, Торкель решил, что здесь и будет штаб его команды.

Сейчас он собрал все лежавшие перед ним на лакированном столе бумаги и допил остатки минеральной воды. Разбор проведенной к нынешнему моменту работы по расследованию убийства прошел приблизительно так, как он и ожидал. Доклад Харальдссона, собственно, принес неожиданности только в двух случаях.

В первый раз – при разборе хронологии расследования.

– Что вы делали в воскресенье? – спросила Ванья, оторвавшись от бумаг.

– Полиция взялась за дело всерьез, но ничего не достигла.

Ответ прозвучал быстро. Заученно быстро. Лживо быстро. Торкель отметил это, понимая, что Ванья тоже не упустила этого из виду. Она являла собой максимальное из известных Торкелю приближение к человеческому детектору лжи. Он с некоторым ожиданием во взгляде наблюдал за тем, как она, пристально посмотрев на Харальдссона, вновь погрузилась в бумаги. Харальдссон расслабился. Они, конечно, находятся по одну сторону, но коллегам незачем знать о том, что на начальной стадии были допущены кое-какие ошибки. Сейчас надо смотреть вперед. Поэтому он немного рассердился – и слегка заволновался, – когда Ванья снова помахала карандашом. Билли улыбнулся – он тоже заметил, что Ванья уловила в тоне Харальдссона фальшь. Она так просто не отступится. Никогда не отступается. Билли откинулся на спинку удобного стула и скрестил руки на груди. Это может получиться забавно.

– Когда ты говоришь «взялась за дело», – продолжила Ванья еще более строго, – что ты имеешь в виду? Я не нахожу никаких допросов ни матери, ни кого-либо другого, никаких результатов обхода соседей, никакого временного графика пятницы. – Она посмотрела на Харальдссона в упор. – Так чем же именно вы занимались?

Харальдссон заерзал на стуле. Черт подери, теперь ему еще приходится отвечать за чужие ошибки. Он откашлялся.

– Я в те выходные не работал и получил расследование только в понедельник.

– И что же происходило в воскресенье?

Харальдссон посмотрел на сидящих в комнате двоих мужчин, словно ища поддержки своей позиции, что оглядываться назад совсем не обязательно. Но не получил ее. Оба смотрели на него выжидающе. Харальдссон снова откашлялся.

– Насколько я понял, полицейские в форме выезжали к матери.

– И что сделали?

– Взяли сведения об исчезновении мальчика.

– Какие сведения? Где они значатся?

Ванья не сводила с него взгляда. Харальдссон понял, что они не сдвинутся с места, пока не узнают обо всем случившемся. Поэтому он рассказал. Правду. После чего в комнате воцарилась тишина некоего нового рода. Харальдссон, во всяком случае, истолковал ее как тишину, возникающую, когда группе людей требуется переварить, возможно, самую большую нелепость из тех, что им доводилось слышать.

– Значит, единственное, что было сделано в воскресенье, – написание еще одного заявления о том же самом исчезновении? – в конце концов нарушил молчание Билли.

– В принципе да.

– О'кей, мальчик исчезает в пятницу в 22:00. Когда вы начали всерьез искать?

– В понедельник. После обеда. Когда заявление попало ко мне. Вернее, искать мы тогда еще не начали, но стали опрашивать его подругу, в школе, других свидетелей...

В комнате вновь воцарилась тишина. Судя по опыту, мальчик к тому времени, скорее всего, был уже мертв, а если нет, если его где-то держали в плену? Трое суток. Господи! Торкель склонился вперед и посмотрел на Харальдссона с неподдельным любопытством.

– Почему вы не сказали этого, когда мы спрашивали о том, что происходило в воскресенье?

– Признавать ошибки всегда не слишком приятно.

– Но ведь это была не ваша ошибка. Вы получили расследование только в понедельник. Единственная ваша ошибка заключается в том, что вы солгали нам. Мы представляем собой команду и не можем допускать нечестности по отношению друг к другу.

Харальдссон кивнул. Он внезапно почувствовал себя семилетним мальчиком, оказавшимся у директора за то, что натворил глупостей на школьном дворе.

В оставшейся части доклада он рассказал все (за исключением обеденного секса с Йенни и симуляции посещения больницы), и в результате они закончили обсуждение только в начале десятого вечера.

Торкель поблагодарил его, Билли вытянулся на стуле и зевнул, а Ванья начала укладывать в сумку свои бумаги, когда возникла вторая за вечер неожиданность.

– Еще одно. – Харальдссон выдержал маленькую эффектную паузу. – Мы не нашли куртки и часов мальчика.

Торкель, Ванья и Билли распрямили спины: это их заинтересовало. Харальдссон увидел, что Ванья начала поспешно вытаскивать из сумки папку.

– Я не включил этого в отчет – никогда не знаешь, кто его прочтет и куда попадут такие сведения.

Ванья мысленно кивнула. Умно, такие детали ни в коем случае не должны просачиваться в прессу. Они дорогого стоят при допросах. Возможно, Харальдссон не совсем безнадёжен, хоть многое на это и указывает.

– Значит, его ограбили? – поинтересовался Билли.

– Не думаю. При нем остался бумажник почти с тремя сотнями крон. И в кармане брюк мобильный телефон.

Все члены группы восприняли данный факт следующим образом: кто-то, вероятно убийца, взял у жертвы избранные предметы. Это что-то означало. Это и исчезнувшее сердце.

– Куртка была фирмы «Дизель», – продолжил Харальдссон. – Зеленая. У меня на письменном столе есть фотография этой модели. Часы были, – Харальдссон сверился с записями, – «Тонино Ламборджини Пилот». У меня опять-таки имеются снимки.

Потом Торкель остался сидеть в лишенной окон комнате в одиночестве, пытаясь придумать повод, чтобы не ехать в гостиницу. Может, начать выстраивать на белой доске временной график? Повесить карту? Фотографии? Снова просмотреть сведения Харальдссона? Впрочем, Билли сделает все это гораздо быстрее и лучше завтра рано утром, вероятно, еще до того, как в отделении появится кто-нибудь из сотрудников.

Конечно, можно пойти поесть. Но он не особенно голоден, не настолько, чтобы сидеть одному в ресторане. Разумеется, он мог попросить Ванью составить ему компанию, но она наверняка собирается посвятить вечер изучению дела у себя в номере. Очень амбициозная и дотошная Ванья. Она бы, вероятно, не отказалась, предложи он ей вместе поужинать, но хотелось-то ей совсем другого, и она бы весь вечер немного нервничала, поэтому Торкель отбросил эту мысль.

А Билли? Торкель считал Билли человеком разносторонним, благодаря знанию техники и компьютера являвшимся неоценимой частью команды, но Торкель не мог припомнить, чтобы они хоть раз ужинали вместе, только вдвоем. Беседа с Билли была лишена легкости. Билли обожал ночевать в гостинице. Он не пропускал ни одной телевизионной передачи, которая шла по какому-нибудь каналу между 22:00 и 2:00, и с удовольствием их обсуждал. Телевидение, фильмы, музыку, игры, компьютеры, новые телефоны, прочитанные им в Сети иностранные журналы. С Билли Торкель ощущал себя старым, как динозавр.

Он вздохнул про себя. Придется ограничиться прогулкой и бутербродом с пивом в номере в обществе телевизора. Он утешался тем, что завтра приедет Урсула. Тогда у него будет компания для ужина.

Торкель выключил свет и покинул конференц-зал. «Как всегда, последний», – думал он, проходя через пустое здание. Неудивительно, что у его жен кончалось терпение.

7

Когда Себастиан расплатился за такси и вылез из машины, было уже темно. Шофер тоже вышел, открыл багажник, вынул сумку Себастиана и пожелал ему приятного вечера. Приятный вечер в родительском доме? «Ну, все когда-то бывает впервые», – подумал Себастиан. А тот факт, что оба родителя уже умерли, несомненно, значительно увеличивал шансы.

Себастиан перешел улицу, развернувшееся на съезде к дому соседей такси проехало у него за спиной. Он остановился возле низкого белого деревянного забора, который нуждался в покраске, и отметил, что никто явно не отказался от почты и газет. Неужели после кончины человека как-то централизованно не рассылается извещение о смерти, которое бы приостанавливало все? Очевидно, нет. Почтовый ящик был переполнен.

Прибыв в Вестерос несколькими часами раньше, Себастиан поехал в похоронное бюро и забрал ключ от дома. Когда он отказался заниматься похоронами, все, очевидно, организовала одна из старых подруг матери. Берит Хольмберг. Себастиан не мог припомнить, чтобы раньше слышал ее имя. В похоронном бюро ему предложили посмотреть что-то вроде альбома с церемонии, которая явно прошла очень красиво и торжественно, с большим количеством народу. Себастиан отказался.

Потом он отправился в ресторан. Хорошо и обстоятельно поел. Еще посидел, почитал книгу. Выпил кофе. Повертел в руках визитную карточку, полученную в поезде от читавшей женщины, но решил подождать. Он позвонит ей завтра или послезавтра. Заинтересованно, но не слишком – эта модель всегда срабатывала лучше всего. Он прогулялся по городу. Обдумывал, не пойти ли в кино, но не пошел. В репертуаре его ничего не привлекло. Под конец он уже больше не мог откладывать свое истинное дело и взял такси.

И теперь он стоял на улице, глядя на дом, который покинул через день после своего девятнадцатилетия. По обе стороны от мощенной камнем дорожки располагались ухоженные клумбы. Сейчас их в основном заполняли низкие благоухающие хвойные растения, но скоро должны зацвести многолетние цветы. Мать очень любила свой сад и нежно о нем заботилась. Позади дома имелись фруктовые деревья и огород. Мощеная дорожка заканчивалась двухэтажной виллой. Они переехали сюда, когда Себастиану было десять лет. Дом тогда только что построили. Даже в слабом свете уличного фонаря Себастиан видел, что дом действительно нуждается в тщательном осмотре. От фасада отвалилась штукатурка, краска вокруг окон шелушилась, а крыша в двух местах выглядела чуть темнее, чем везде. По всей видимости, отвалились черепицы. Себастиан преодолел чисто физическое нежелание заходить в дом и сделал несколько оставшихся шагов к входной двери.

Он отпер дверь и вошел в холл. Духота. Спертый воздух. Себастиан бросил сумку на пол. Остановился в арке, ведущей в остальную часть дома. При входе стоял столовый гарнитур, а подальше направо простиралась гостиная. Себастиан отметил, что одну стену снесли и первый этаж имеет теперь так называемую открытую планировку. Он прошел дальше, узнавая лишь малую часть мебели. Дедушкин комод и несколько картин на стенах были ему знакомы, но обои за ними оказались для него совершенно новыми. Равно как и паркет. Сколько же времени он здесь не был? Себастиан отказывался думать о вилле как о «своем доме». Переезд состоялся в девятнадцать лет, но после этого он приезжал в гости. Питал тщеславную иллюзию, что сможет снова общаться с родителями, раз уж теперь они все взрослые люди. Но не получилось. Он помнил, что приезжал к ним через неделю после того, как ему исполнилось двадцать пять. Это был последний раз? Скоро тридцать лет тому назад. Неудивительно, что он ничего не узнает.

В центре короткой стены гостиной имелась закрытая дверь. Когда Себастиан здесь жил, там находилась комната для гостей – редко используемая. У родителей, правда, было довольно много знакомых, но почти исключительно местных. Он открыл дверь. Одну из стен покрывали

книжные полки, а на месте кровати теперь стоял письменный стол. С пишущей машинкой и калькулятором. Себастиан опять закрыл дверь. Весь дом, вероятно, заполнен аналогичным дерьмом. Что ему со всем этим делать?

Он вышел на кухню. Новое кухонное оборудование, новый стол, но тот же старый накладной пол из пластика. Себастиан открыл дверцу холодильника. Заполнен. Испорченными продуктами. Он взял с дверцы один из пакетов молока. Открыл. Лучше употребить до 8 марта. Международный женский день. Прекрасно понимая, что его ожидает, Себастиан сунул нос в надорванное отверстие. Скорчив гримасу, поставил пакет обратно на дверцу и взял банку легкого пива, лежавшую рядом с мешочком, вероятно, когда-то содержавшим сыр, но теперь походившим на успешный исследовательский проект в лаборатории плесени.

Открывая одной рукой пиво, Себастиан вернулся в гостиную. По пути зажег верхний свет. Лампы располагались под самым карнизом, были направлены вверх и шли вокруг всей комнаты, озаряя ее равномерным и приятным светом. Сделано со вкусом, почти в современном духе. Себастиан поймал себя на том, что, сам того не желая, восхитился.

Он опустился в одно из кресел и не снимая ботинок закинул ноги на низкий журнальный столик. Потом выпил глоток из банки и откинул голову на спинку кресла. Стал вслушиваться в тишину. Полная тишина. Не слышно даже транспорта. Дом располагался почти в самом конце тупика, и до ближайшей крупной дороги было много сотен метров. Взгляд Себастиана упал на пианино. Он выпил еще глоток, поставил банку на столик, встал и подошел к сверкающему черному инструменту.

Себастиан рассеянно нажал на одну из белых клавиш. Тишину нарушила глухая, немного фальшивая нота ля.

Играть на пианино он начал, когда ему было шесть лет. Закончил в девять, когда после урока, на котором Себастиан в принципе отказался притрагиваться к клавишам, учительница музыки отвела отца в сторону и сказала ему, что это пустая трата ее времени и его денег – приглашать ее раз в неделю к явно незаинтересованному и, в чем она совершенно уверена, абсолютно лишенному каких бы то ни было музыкальных способностей ученику. Последнее заявление не соответствовало действительности. Музыкальный слух у Себастиана присутствовал, и играть он отказывался не в знак протеста против распоряжений отца – это пришло на много лет позже. Просто занятия казались ему невероятно скучными. Бессмысленными. Он не мог заниматься чем-то, что его совершенно не интересовало. Ни тогда.

Ни потом.

Ни теперь. В свое время он мог тратить бесконечно много времени и энергии на то, что его интересовало и увлекало, а в противном случае...

Перетерпеть и выдержать – такие понятия были Себастиану Бергману незнакомы.

Он медленно наклонился вперед и стал разглядывать стоявшие на пианино фотографии. Свадебная фотография родителей в центре, по бокам снимки родителей отца и матери. Снимок, сделанный, когда Себастиан окончил гимназию, и еще один, когда он в восемь или девять лет позировал перед футбольными воротами, одетый в форму команды. Нога на мяче. Серьезный, победный взгляд в камеру. Рядом фотография родителей на фоне туристского автобуса. Из какой-то поездки по Европе. Матери на этой фотографии на вид лет шестьдесят пять. Значит, двадцать лет назад. Хотя снимки были явно отобраны самым тщательным образом, Себастиана поразило то, как мало он знает о жизни родителей после того, как покинул их. Не знает даже, от чего умерла мать.

Тут взгляд Себастиана упал на фотографию, стоявшую позади остальных. Он поднял ее. Это оказалась третья фотография его самого. Он сидит на новом мопедке у въезда в гараж. 1973-й год. Мать очень любила этот снимок. У Себастиана имелась теория, согласно которой фотография так нравилась ей потому, что являлась одной из немногих, если не единственной, где он в подростковом возрасте выглядит абсолютно счастливым. Однако его внимание при-

влек не собственный снимок на мопеде, а засунутая под рамочку газетная вырезка. На ней оказалась фотография Лили в белой больничной одежде со спящим младенцем на руках. Под снимком было написано Eine Tochter⁴ и дата – 11 августа 2000 года. А чуть пониже – их с Лили имена. Себастиан вытащил вырезку из рамки и стал осторожно рассматривать.

Он вспомнил, как делал эту фотографию, и внезапно ему показалось, что он ощущает больничный запах и слышит издаваемые ими обеими звуки. Лили улыбалась ему. Сабина спала.

– Где, черт возьми, ты ее раздобыла?

Себастиан застыл с вырезкой в руке. К этому он оказался совершенно не готов. Он никак не ожидал обнаружить в этом доме что-либо напоминавшее о них. А теперь он держал в руках их фотографию. Им здесь не место. Они принадлежат к другому миру. Два его мира, два его ада. С ними достаточно трудно разбираться по отдельности, но вместе... Они не должны иметь ничего общего. Сам того не сознавая, он раз за разом крепко сжимал правую руку. Черт бы ее побрал! Мать достает его, даже будучи мертвой! Себастиан почувствовал, что задышал тяжелее. Черт бы ее побрал! Черт бы побрал весь этот дом! Что ему делать со всем этим ДЕРЬМОМ?!

Себастиан аккуратно сложил газетную вырезку, осторожно положил ее во внутренний карман и быстро пошел на кухню. Открыл дверь чулана – телефонный каталог действительно лежал на той же полке, что и всегда. Себастиан взял его с собой, сел в кресло и открыл в «Желтых страницах» агентства по продаже недвижимости. Начал с буквы А. Естественно, никто не ответил. В первых трех компаниях его проинформировали о времени работы офиса и пригласили перезвонить, но текст на автоответчике четвертой заканчивался словами: «Вы можете оставить сообщение после короткого сигнала, и мы вам перезвоним».

Себастиан дождался сигнала.

– Меня зовут Себастиан Бергман. Я хочу продать дом вместе с содержимым. Не знаю, как это делается, но хочу покончить с этим быстро, чтобы я мог покинуть этот проклятый город как можно скорее. На деньги мне наплевать, так что можете брать себе любой процент, главное, чтобы все было сделано быстро. Если вас это интересует, звоните.

Себастиан указал свой мобильный номер и положил трубку. Снова откинулся на кресле. Внезапно навалилась страшная усталость. Он закрыл глаза и в тишине мог слышать биение собственного сердца. По крайней мере, ему так казалось.

Слишком тихо.

Одиноко.

Он поднес руку к нагрудному карману рубашки, где лежала визитка женщины из поезда. Который час? Слишком поздно. Если позвонить сейчас, можно с таким же успехом начать разговор с вопроса: «Не потрахаться ли нам?» С ней это не пройдет – он знал. Он только потеряет наработанное, и придется начинать с минуса. Она его не настолько интересует. Он сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух. Снова. С каждым разом он чувствовал, как усталость все больше одолевает его. Никому звонить он не станет. И ничего делать не будет.

Ему хочется спать.

Он будет спать.

Пока сон не разбудит его.

---

⁴ Дочь (нем.).

8

Торкель завтракал в ресторане гостиницы. Билли уже уехал в отделение, чтобы оборудовать им помещение, а Ванью он еще не видел. Начинался серый, туманный, уже почти летний день, за окном жители Вестероса спешили на работу. Торкель стал просматривать утренние газеты. Центральные и местные. Все писали об убийстве. Центральные газеты писали немного, в основном дополняли сведения. Помимо прибытия Госкомиссии единственной новостью оказалось то, что согласно близкому полиции источнику речь может идти о ритуальном убийстве, поскольку у жертвы отсутствует сердце. Торкель вздохнул. Если утренние газеты обсуждают ритуальное убийство, до чего же дойдет вечерняя пресса? Сатанизм? Воровство органов? Каннибализм? Возможно, найдут какого-нибудь немецкого «эксперта», который расскажет читателям, что отнюдь не исключено, будто некий сумасшедший с определенными навязчивыми идеями мог съесть сердце другого человека с целью заполучить часть его силы. Затем сошлются на индейцев-инков или какое-нибудь другое давно вымершее племя, которое вызывает у народа ассоциации с человеческими жертвами. И рядом интернет-опрос:

Можете ли вы представить, что съедаете другого человека?

Да, мы являемся животными, как и все остальные.

Да, но только если бы речь шла о собственном выживании.

Нет, лучше умереть самому.

Торкель покачал головой. Надо следить за собой. Он начинает превращаться в то, что Билли называет ЗС – в Скучного Сварливого Старика. Хотя он целыми днями и вращался в обществе молодых людей, он чувствовал, что все чаще скатывается к мышлению, которое можно истолковать лишь так, будто он считает, что раньше было лучше. Ничего раньше лучше не было. За исключением его личной жизни, но она едва ли оказывала воздействие на остальной мир. Надо принаравливаться к ситуации. Торкелю совсем не хотелось превращаться в одного из тех усталых старых полицейских, что цинично жалуются на время, в котором живут, все глубже проваливаясь в свои кресла со стаканом виски в руке и музыкой Пуччини в стереонаушниках. Значит, надо брать себя в руки. В мобильном телефоне зажужжало – эсэмэс от Урсулы. Он нажал на «показать». Она прибыла и поехала прямо к месту обнаружения трупа. Не могут ли они встретиться там? Торкель допил кофе.

* * *

Урсула Андерссон стояла на краю маленького озерца. В вязаном шерстяном свитере, заправленном в темно-зеленые прорезиненные брюки, доходившие ей до груди, она больше походила на рыбака или человека, собиравшегося очищать берег от разлившейся нефти, чем на одного из самых прозорливых полицейских страны.

– Добро пожаловать в Вестерос.

Урсула обернулась и увидела, как Торкель кивнул Харальдссону и нырнул под заградительную ленту, шедшую вокруг большей части болота.

– Красивые брюки.

Урсула улыбнулась ему:

– Спасибо.

– Ты уже туда залезала? – Торкель многозначительно кивнул на озерцо.

– Измерила глубину и взяла несколько проб воды. А где остальные?

– Билли готовит для нас помещение в отделении, а Ванья собиралась поехать поговорить с подружкой парня. По нашим сведениям, она последней видела его в живых. – Торкель подошел и остановился на краю озера. – Как у тебя идут дела?

– О следах ног нечего и думать. Тут прошла целая куча народу. Ребята, которые нашли парня, полицейские, персонал «Скорой помощи» и просто гулявшие прохожие.

Урсула присела на корточки и указала на бесформенную ямку в глинистой почве. Торкель присел рядом с ней.

– К тому же следы глубоко вдавлены. Слишком глинистая и сырая почва. – Урсула обвела рукой вокруг. – Неделию назад было наверняка еще более мокро. Большая часть низины находилась под водой. – Она поднялась, бросила через плечо взгляд в сторону Харальдссона и наклонилась поближе к Торкелю.

– Как зовут того парня? – Она кивнула в сторону Харальдссона, и Торкель обернулся через плечо, хотя прекрасно знал, кого Урсула имеет в виду.

– Харальдссон. Он руководил расследованием до нашего приезда.

– Знаю. По пути сюда он повторил это по меньшей мере три раза. Как он тебе?

– Ему необходимо поработать над первым впечатлением, но он, пожалуй... о'кей.

– Можешь подойти на минутку? – обратилась Урсула к Харальдссону.

Харальдссон подлез под заграждение и, хромая, подошел к Урсуле и Торкелю.

– Вы обследовали дно? – поинтересовалась Урсула.

Харальдссон кивнул:

– Дважды. Ничего.

Урсула кивнула сама себе. Она и не ожидала, что здесь найдут оружие убийства. Урсула вновь окинула взглядом окрестности. Все верно.

– Расскажи, – попросил Торкель, по опыту знавший, что Урсула, вероятно, видит здесь гораздо больше, чем просто простиравшуюся перед ним мокрую лесную низину.

– Умер он не здесь. Согласно предварительному протоколу вскрытия, ножевые удары были настолько глубокими, что на коже остались следы от рукоятки ножа. Это указывает на то, что жертва лежала на чем-то твердом и жестком. – Урсула показала рукой себе на ноги. – Если мы предположим, что в прошлые выходные тут было еще более сыро и глинисто, то вогнать нож по рукоятку почти невозможно. Во всяком случае, в мягкие области.

Торкель посмотрел на нее с восхищением. Хоть они и проработали вместе уже много лет, ее знания и аналитические способности по-прежнему производили на него сильное впечатление. Он возблагодарил свою счастливую звезду за то, что Урсула сама нашла его всего через несколько дней после того, как его назначили начальником следственной группы Государственной комиссии по расследованию убийств. Урсула просто появилась в одно прекрасное утро семнадцать лет назад. Ждала его прямо перед кабинетом. Она не договаривалась о встрече заранее, но сказала, что ей потребуется не больше пяти минут. Он впустил ее.

Она работала в Государственной лаборатории судебной экспертизы, начинала свою карьеру в качестве полицейского, но вскоре стала все больше специализироваться на обследовании мест преступления, а впоследствии – на технических доказательствах и судебной медицине. Таким образом она и попала в Линчепинг – в Государственную лабораторию судебной экспертизы. За свои пять минут она рассказала, что там ей вполне нравится, но не хватает охоты. Именно так она и выразилась – охоты. Одно дело стоять в белом халате в лаборатории, сверяя ДНК и испытывая оружие, и совсем другое – анализировать доказательства на месте и с остальными окружать добычу, которую затем поймают. Это дает стимул и удовлетворение, каких никогда не получишь от совпадения анализов ДНК. Способен ли Торкель ее понять? Торкель оказался способен. Урсула кивнула. Хорошо. Она посмотрела на часы: четыре минуты сорок восемь секунд. Последние двенадцать секунд она употребила на то, чтобы оставить свой номер телефона и выйти из кабинета.

Торкель навел справки: все отзывались об Урсуле только хорошо, но быстро принять решение ему под конец помогло то, что начальник лаборатории судебной экспертизы практически пригрозил ему физической расправой, если он хотя бы взглянет в сторону Урсулы. Торкель пошел дальше – он в тот же день принял ее на работу.

– Значит, это лишь место, куда его сбросили.

– Вероятно. Если исходить из того, что убийца выбрал это озерцо, значит, он хорошо ориентируется в здешних местах и наверняка припарковал машину максимально близко. Там, наверху.

Она указала на расположенный метрах в тридцати довольно крутой откос высотой около двух метров. Слово по команде они двинулись туда. Харальдссон похромал следом.

– Как Микаэль?

Урсула бросила на Торкеля удивленный взгляд.

– Нормально, почему ты спрашиваешь?

– Ты ведь вернулась домой всего несколько дней назад. Ему не удалось с тобой толком пообщаться.

– Это работа. Он понимает. Привык.

– Хорошо.

– Кроме того, ему надо на какую-то выставку в Мальмё.

Они подошли к откосу. Урсула оглянулась на озерцо. Преступник, вероятно, спускался где-то здесь. Они принялись втроем изучать склон. Буквально через минуту Урсула остановилась. Отступила на шаг назад. Для сравнения посмотрела по сторонам, присела, чтобы взглянуть сбоку. Впрочем, она не сомневалась. Растительность была слегка примята. Большая часть уже поднялась обратно, но все-таки остался такой след, будто здесь что-то тащили. Урсула присела на корточки. На слабеньком кустике сломано несколько веточек, и на беловато-желтом изломе присутствовал лишний цвет чего-то, что могло оказаться кровью. Урсула достала из сумки маленький мешочек на молнии, осторожно отщипнула кусочек ветки и положила в мешочек.

– Думаю, я нашла, где он спускался. Вы не займетесь дорогой?

Торкель рукой показал Харальдссону, чтобы тот продолжал идти наверх. Выбравшись на узкую гравиевую дорогу, Торкель огляделся. Чуть поодаль стояли их собственные машины.

– Куда ведет эта дорога?

– В город, мы ведь по ней приехали.

– А в другую сторону?

– Она немного плутает, но постепенно выходит на шоссе.

Торкель посмотрел вниз, под откос, где осторожно ползала на четвереньках Урсула, с интересом переворачивая каждый листок. Если тело спускали здесь, то можно предположить, что его вытащили из багажника или задней дверцы непосредственно над этим местом. Почему бы убийце не избрать, так сказать, кратчайший путь вниз? Гравиевая дорога плотно утрамбована – ни малейшего шанса найти следы от шин. Торкель посмотрел на машины, на которых они приехали. Их припарковали чуть в стороне, чтобы они не занимали слишком большую часть узкой дороги. А что, если...

Торкель встал точно над узким промежутком, который изучала Урсула. Багажник здесь. Торкель представил, что перед ним припаркована машина. Стало быть, если следы от шин имеются, то они должны находиться примерно на метр дальше. Он осторожно ступил на обочину. К своей радости, он обнаружил, что почва на ней значительно мягче, чем на дороге, но не такая глинистая, как в низине. Торкель принялся осторожно отклонять траву и кусты и почти сразу получил дивиденды.

Глубокие отпечатки шин.

Торкель улыбнулся.

Начало положено хорошее.

– Вы не передумали?

Спросившая женщина поставила на стол чашку дымящегося чая и выдвинула стул для Вань, которая отрицательно помотала головой.

– Нет, спасибо.

Женщина уселась и начала помешивать ложечкой в чашке. На кухонном столе был накрыт завтрак. Молоко и простокваша стояли рядом с пакетом мюсли и овсяных хлопьев. В корзиночке для хлеба, похоже сплетенной из коры, лежали несколько кусков свежего хлеба и два разных сорта хрустящих хлебцев. Картину дополняли масло, сыр, ветчина, нарезанные огурцы и коробочка печеночного паштета. Накрытый стол контрастировал с кухней в целом, которая казалась взятой из каталога мебели. Пусть и не самого нового, но порядок на кухне царил безупречный. Никакой посуды в мойке, никаких крошек на столах, пусто и чисто. На черной плите ни единого пятнышка, как и на всем кухонном оборудовании. Ванья могла поклясться, что если бы она встала и пощупала полку с приправами над плитой, то не обнаружила бы даже тонюсенькой пленки жира. Насколько Ванья успела заметить, патологическая любовь к порядку распространялась и на остальную часть дома. Однако один предмет немного выделялся. Ванья никак не могла оторвать взгляда от висевшего на стене позади пьющей чай женщины украшения. Это была вставленная в рамку мозаичная картина из пластиковых бусинок. Причем размером не с подставку под кастрюлю, а не менее чем 40×80 см. Она изображала распростершего руки Иисуса со свисающими вниз белыми одеждами. Вокруг головы у него светился золотисто-желтый нимб, а лицо с черной бородой и ярко-голубыми глазами было обращено чуть наискось и вверх. Над головой красными бусинками было выложено: «Я есмь Путь, и Истина, и Жизнь». Женщина напротив проследила за взглядом Вань.

– Лиза сделала это, пока болела ветрянкой. Ей было шесть. Разумеется, ей немного помогли.

– Очень красиво, – сказала Ванья, добавив про себя: «И чуть жутковато».

Женщина, которая, открывая Ванье дверь, представилась как Анн-Шарлотт, довольно кивнула в ответ на похвалу, отпила маленький глоток горячего чая и опустила чашку.

– Да, Лиза очень талантлива. Тут более пяти тысяч бусинок. На мой взгляд, потрясюще!

Анн-Шарлотт потянулась за хрустящим хлебцем и стала намазывать его маслом. Ванью не переставало занимать, откуда им известно, сколько здесь бусинок. Неужели они считали? Она чуть не спросила об этом Анн-Шарлотт, когда та вернула нож в коробочку с маслом и посмотрела на нее, озабоченно наморщив лоб.

– Как ужасно то, что случилось. С Рогером. Мы молились за него всю неделю, пока он считался пропавшим.

«И видите, насколько это помогло», – подумала Ванья, но лишь пробормотала в знак согласия что-то сочувственное, бросив одновременно, возможно, чуть слишком очевидный взгляд на часы. Анн-Шарлотт, похоже, уловила намек.

– Лиза освободится с минуты на минуту. Если бы мы знали, что вы придете... – сказала Анн-Шарлотт, разведя руками извиняющимся жестом.

– Ничего страшного. Я признательна за возможность поговорить с ней.

– А как же иначе? Если мы можем хоть чем-то помочь. Как себя чувствует его мама? Ее, кажется, зовут Лена? Она наверняка совсем убита.

– Я с ней не встречалась, – ответила Ванья, – но можно себе представить. Рогер был единственным ребенком?

Анн-Шарлотт кивнула, сразу приняв еще более озабоченный вид. Будто на ее плечи только что легла большая часть мировых проблем.

– Им жилось не слишком легко. Насколько я понимаю, одно время у них были финансовые затруднения, потом разные неприятности в старой школе Рогера. Правда, сейчас у него вроде все наладилось. И тут случилось это.

– Что за неприятности были у него в старой школе? – поинтересовалась Ваня.

– Его там травили, – донеслось из дверей.

Ваня с Анн-Шарлотт обернулись. В дверях стояла Лиза. Прямые влажные, но хорошо расчесанные волосы до плеч. Челка убрана простой заколкой. На девочке была застегнутая почти до шеи белая рубашка, а поверх нее вязаный однотонный жилет. На шее висел золотой крестик, цепочка от которого зацепилась за один из уголков воротника рубашки. Юбка заканчивалась чуть выше колен, дальше – плотные колготки. Ваня сразу подумала о девочке из какого-нибудь телевизионного сериала семидесятых годов, который повторно показывали в ее детстве. Особенно из-за серьезного, почти угрюмого выражения лица. Ваня встала, протянула вошедшей на кухню девочке руку и пододвинула стул к короткому концу стола.

– Здравствуй, Лиза, меня зовут Ваня Литнер. Я из полиции.

– Я уже разговаривала с одним полицейским, – ответила Лиза, принимая протянутую Ваней руку, быстро пожала ее и согнула колени, сделав книксен. Потом села. Анн-Шарлотт встала, подошла к кухонному шкафу и вынула оттуда чайную чашку.

– Я знаю, – продолжила Ваня, снова усаживаясь, – но я работаю в другом отделе, поэтому мне бы очень хотелось, чтобы ты согласилась поговорить со мной тоже, хотя меня, возможно, будут интересовать те же вопросы.

Лиза пожала плечами и потянулась к стоявшему на столе пакету с мюсли. Потом вытряхнула в стоявшую перед ней глубокую тарелку солидную порцию хлопьев.

– Когда ты говоришь, что Рогера в старой школе травили, – продолжила Ваня, – знаешь ли ты, кто именно его травил?

Лиза опять пожала плечами.

– Думаю, все. Приятелей у него там, во всяком случае, не было. Он не любил об этом рассказывать. Просто радовался тому, что оставил ту школу и перешел к нам.

Лиза потянулась за простоквашей и обильно полила ею хлопья. Анн-Шарлотт поставила перед дочерью чашку с чаем.

– Рогер был очень хорошим мальчиком. Спокойным. Чувствительным. Взрослым для своего возраста. Просто непостижимо, что кто-то... – не закончив фразу, Анн-Шарлотт села на прежнее место.

Ваня открыла блокнот и записала на одной странице: «Старая школа – травля». Потом обратилась к Лизе, как раз засунувшей в рот большую ложку простокваши с хлопьями.

– Давай вернемся к той пятнице, когда он исчез. Не можешь ли ты рассказать, чем вы занимались, не случилось ли чего-нибудь особенного, когда Рогер был здесь, – все, что сможешь вспомнить, каким бы обычным и несущественным оно ни казалось.

Прежде чем ответить, Лиза не торопясь дожевала и проглотила хлопья.

– Я уже все рассказала. Другому полицейскому, – заявила она, глядя на Ваню в упор.

– Да, но как я уже говорила, мне тоже необходимо это услышать. В котором часу он сюда пришел?

– Где-то после пяти. Возможно, в половине шестого. – Лиза взглянула на мать, прося о помощи.

– Ближе к половине шестого, – сказала Анн-Шарлотт. – Нам с Эриком надо было поспеть к шести часам, и мы как раз выходили, когда появился Рогер.

Ваня кивнула и записала.

– А чем вы с ним тут занимались?

– Мы сидели у меня в комнате. Немного поготовили уроки на понедельник, потом вскипятили чай и посмотрели Let's Dance⁵. Он ушел чуть раньше десяти.

– Он говорил, куда направляется?

Лиза снова пожала плечами.

– Сказал, что домой. Ему хотелось узнать, кто вылетел, а это сообщают только после новостей и рекламы.

– И кто вылетел?

Ванья увидела, как ложка, уже направлявшаяся в рот Лизы с новой порцией хлопьев с простоквашей, остановилась. Ненадолго. Едва заметно, но все же. Возникло сомнение. Ванья просто вела легкую беседу, чтобы снять ощущение допроса, но вопрос Лизу удивил, это точно. Лиза продолжила есть.

– Я де зда...

– Не говори с набитым ртом, – вмешалась Анн-Шарлотт.

Лиза умолкла. Она тщательно жевала, не сводя глаз с Ваньи. Выигрывает время? Почему она не ответила перед тем, как сунуть ложку в рот? Ванья ждала. Лиза жевала. И глотала.

– Не знаю. Я не посмотрела после новостей.

– Какие они исполняли танцы? Ты помнишь? – Ванья была уверена в том, что взгляд Лизы помрачнел. Вопросы ее почему-то раздражали.

– Я не знаю, как они называются. Мы смотрели не очень внимательно. Болтали, читали, слушали музыку и тому подобное. Немного переключали каналы.

– Не понимаю, почему вам так важно знать содержание телепередачи, когда надо найти того или тех, кто погубил Рогера, – вмешалась Анн-Шарлотт, с некоторым раздражением поставив чашку на стол.

– Конечно, неважно. Просто к слову пришлось, – ответила Ванья с улыбкой.

– Рогер говорил в течение вечера о том, что его что-то беспокоит? – снова обратилась она к Лизе, продолжая улыбаться.

Девочка на улыбку не ответила, а посмотрела Ванье в глаза с вызовом:

– Нет.

– Ему никто не звонил? Не получал ли он эсэмэс, о которых не хотел говорить или которые бы его взволновали?

– Нет.

– Он не вел себя как-то по-особенному, тебе не казалось, что ему трудно сконцентрироваться или что-нибудь в этом роде?

– Нет.

– И он не говорил, что собирается пойти еще к кому-то, когда уходил от тебя около... десяти, ты сказала?

Лиза разглядывала Ванью. Кого она, собственно, пытается обмануть? Ей ведь прекрасно известно, что Лиза сказала: «Рогер ушел около десяти». Значит, проверяет ее. Чтобы посмотреть, не начнет ли та противоречить сама себе. Ничего у нее не выйдет. Лиза хорошо подготовилась.

– Да, он ушел около десяти, и нет, он сказал, что пойдет домой, чтобы узнать, кто вылетел. – Лиза потянулась к корзинке с хлебом и взяла мягкий кусок.

Тут снова вмешалась Анн-Шарлотт:

– Она ведь уже говорила. Я не понимаю, зачем заставлять ее снова и снова отвечать на те же вопросы? Вы что, ей не верите? – Голос Анн-Шарлотт звучал почти оскорбленно. Будто одна мысль о том, что ее дочурка может солгать, казалась ей глубоко возмутительной.

---

⁵ «Давайте потанцуем» – шведская телепрограмма, напоминающая «Танцы со звездами». По окончании трансляции зрители каждый раз решают, какая пара покидает конкурс.

Ваня посмотрела на Лизу. Возможно, для матери это и оскорбительно, но совершенно ясно: Лиза что-то скрывает. Что-то произошедшее тем вечером, о чем она не намерена рассказывать. По крайней мере в присутствии матери. Лиза отрезала немного сыра и раскладывала кусочки по бутерброду медленными, почти обстоятельными движениями, периодически поглядывая на Ваню. Надо проявлять осторожность. Эта женщина гораздо проницательнее того полицейского, с которым она разговаривала в школьной кафетерии. Главное – придерживаться заученной истории. Точно повторять время. Мелкие подробности вечера ей не вспомнить. Ничего особенного не произошло.

Рогер пришел.

Уроки.

Чай.

Телевизор.

Рогер ушел.

Не может же она помнить все детали обычного скучноватого вечера пятницы. К тому же она в шоке. Ее парня убили. Умей она получше плакать, она бы сейчас выдавила несколько слезинок, чтобы заставить маму прекратить разговор.

– Разумеется, я ей верю, – спокойно сказала Ваня, – но Лиза была последней из известных нам людей, видевших Рогера тем вечером. Важно, чтобы мы правильно установили все детали. – Ваня отодвинула свой стул. – Впрочем, я уйду. Вы можете отправляться в школу и на работу.

– Я работаю только несколько часов в неделю в приходе. Но это на общественных началах.

Домохозяйка. Это объясняет безупречность дома. По крайней мере в отношении уборки.

Ваня достала визитную карточку и протянула ее Лизе. При этом она так долго не отрывала пальца, что Лизе пришлось поднять глаза и встретиться с ней взглядом.

– Позвони, если вспомнишь что-нибудь, чего не рассказала о пятнице. – Ваня переключилась на Анн-Шарлотт: – Я найду дорогу. Продолжайте завтракать.

Покинув кухню, Ваня вышла из дома и поехала обратно в отделение. По пути она думала об убитом мальчике, и ей пришла в голову мысль, которая ее слегка огорчила и от которой ей стало не по себе.

Она пока не встретила никого, кто бы казался особенно опечаленным и расстроенным смертью Рогера.

9

Фредрик думал, что это займет десять минут. Максимум. Зайти, рассказать все полиции, выйти. Об исчезновении Рогера он, конечно, знал. Все в школе об этом только и говорили. В гимназии Рунеберга, пожалуй, еще никогда так много о Рогере не говорили. Никогда не уделяли ему столько внимания. А вчера, после того как его нашли, сразу организовали дежурство психологов, и люди, которые плевать хотели на Рогера в то недолгое время, что он с ними учился, со слезами на глазах отпрашивались с уроков, и сидели по группам взявшись за руки, и тихими голосами обменивались светлыми воспоминаниями.

Фредрик Рогера не знал и в общем-то его не оплакивал. Они встречались в коридорах – знакомое лицо, не более. Фредрик мог откровенно признаться, что с тех пор, как Рогер осенью ушел из их гимназии, ни разу о нем даже не вспомнил. Но сейчас прибыло местное телевидение, и несколько девчонок из их класса, которые не стали бы разговаривать с Рогером, даже будь он последним парнем на Земле, зажгли свечи и положили цветы возле ворот на футбольном поле перед школой.

Может, это благородно? Может, это знак того, что сочувствие и человечность все-таки существуют? Вероятно, Фредрик циничен, раз он видит только фальшь и способ использовать трагическое событие для привлечения внимания к самому себе и своим делам. Воспользоваться случаем и заполнить некую неопределенную пустоту.

Ощутить сопричастность.

Испытать какие-то чувства.

Он помнил, как они на уроке обществоведения рассматривали фотографии из универмага «НК» в Стокгольме, когда убили Анну Линд⁶. Горы цветов. Фредрик заинтересовался уже тогда. Откуда она берется? Потребность оплакивать людей, которых ты не знаешь? С которыми даже не встречался? Таковая явно существует. Может, с ним что-то не так, раз он не способен проникнуться коллективной скорбью?

Но газеты Фредрик читал. Все-таки сердце вырезали у его ровесника, у знакомого. Полиция хотела пообщаться с людьми, видевшими Рогера после его исчезновения в пятницу вечером. Пока Рогер считался просто исчезнувшим, Фредрику казалось, что идти в полицию не имеет смысла, поскольку он видел Рогера до исчезновения, но теперь появилось сообщение о том, что интерес представляют все касающиеся пятницы сведения, как после, так и до. По пути в школу Фредрик подъехал на велосипеде к зданию полиции и открыл дверь, думая, что освободится довольно быстро.

Он объяснил сидевшей за стойкой женщине в форме, что хочет поговорить с кем-нибудь о Рогере Эрикссоне, но та даже не успела поднять трубку и позвонить, как к нему, прихрамывая, подошел одетый в штатское полицейский с чашкой кофе в руках и пригласил следовать за ним.

Это было – Фредрик бросил взгляд на часы на стене – двадцать минут назад. Он уже рассказал то, что собирался, хромому полицейскому, некоторые вещи по два раза, а о месте – три, в третий раз ему пришлось отметить место на карте. Зато теперь полицейский, похоже, удовлетворился. Он закрыл блокнот и посмотрел на Фредрика.

– Ну, спасибо, что зашел. Ты можешь минуточку подождать?

Фредрик кивнул, и полицейский куда-то захромал.

Фредрик сел и стал рассматривать офисное помещение с открытой планировкой, в котором за письменными столами сидели человек десять полицейских, отделенные друг от друга передвижными перегородками, кое-где украшенными детскими рисунками, семейными фото-

---

⁶ Анна Линд – министр иностранных дел Швеции, была убита средь бела дня в универмаге «НК» в Стокгольме в 2003 году.

графиями и ресторанными меню, а также распечатками более профессионального свойства. Звуковой фон представлял собой приглушенную смесь клацанья клавиатур, разговоров, телефонных звонков и жужжания ксерокса. Хотя сам Фредрик всегда готовил уроки с наушниками айпода в ушах, он задумался над тем, как можно что-нибудь делать в таких условиях. Как можно сидеть напротив человека, разговаривающего по телефону, не слушая, что тот говорит?

Не успел хромой полицейский добраться до двери, как к нему подошла светловолосая женщина в костюме. Фредрику показалось, что при приближении женщины полицейский как-то устало поник.

– Кто это? – поинтересовалась Хансер, кивнув в сторону смотревшего на них мальчика. Харальдссон проследил за ее взглядом, хотя прекрасно понимал, кого она имеет в виду.

– Его зовут Фредрик Хаммар, он пришел сообщить кое-что о Рогере Эрикссоне.

Харальдссон приподнял блокнот, словно желая подчеркнуть, что все записал. Хансер из всех сил старалась сохранять спокойствие.

– Если речь идет о Рогере Эрикссоне, почему с ним беседует не Госкомиссия по расследованию убийств?

– Я проходил мимо, когда он вошел, и подумал, что могу сперва его выслушать. Посмотреть, насколько это существенно. Торкелю нет смысла тратить время на вещи, ничего не дающие для расследования.

Хансер сделала глубокий вдох. Она представляла себе, насколько тяжело должно быть, когда тебя отстраняют от расследования. Невзирая на смягчающие обстоятельства, это в конечном счете говорило о недостатке доверия. Решение к тому же принимала она, что только усугубляло дело. Она ведь знала, что Харальдссон подавал документы на ее должность. Не требовалось особых познаний в психологии, чтобы понять, что именно Харальдссон о ней думает. В любых его действиях все время сквозили неприязнь и враждебность. Возможно, ей следовало радоваться тому, что Харальдссон держится за это расследование с упорством безумца. Похвалить его за преданность работе. За истинную заинтересованность. Или же дело в том, что он просто не понял, что больше не является активным участником расследования. Хансер склонялась к последнему.

– В твои задачи больше не входит определять, что существенно для данного расследования, а что нет.

Харальдссон кивнул, всем своим видом показывая, что только и ждет, пока она закончит фразу, чтобы ее поправить. И действительно, не успела Хансер начать развивать свою мысль, как он ее перебил:

– Я знаю, что ответственность лежит на них, но в то же время они четко сказали, что хотят, чтобы я работал поблизости.

Хансер проклинала дипломатичность Торкеля. Теперь ей придется взять на себя роль злодейки. Не то чтобы это изменило что-либо в их отношениях, но все-таки.

– Тумас, Госкомиссия взяла расследование убийства на себя, и это означает, что ты больше никоим образом не являешься его частью. Если только тебя об этом специально не попросят.

Ну вот, сказала. Еще раз.

Харальдссон посмотрел на нее холодно. Ему ведь ясно, чего она добивается. Раз уж она в силу отсутствия опыта и неумения руководить сочла необходимым незамедлительно призвать Государственную комиссию по расследованию убийств, ей, конечно, не хочется, чтобы кто-нибудь из ее подчиненных работал вместе с ними. Они должны раскрыть преступление совершенно самостоятельно. Доказать ее начальникам, что решение было принято правильно. Что полиция Вестероса просто оказалась недостаточно компетентной.

– Это мы можем выяснить у Торкеля. Он ясно сказал, что я буду работать поблизости от них. Кроме того, у мальчика оказалась очень интересная информация, которую я как раз шел им сообщить. Мне бы, конечно, больше хотелось, чтобы мы попытались раскрыть это убийство сами, но если ты предпочитаешь вместо этого заниматься обсуждением того, кто кому должен подчиняться, то, вероятно, нам придется смириться.

Значит, он намерен вести такую жесткую игру. Выставлять ее блюстителем параграфов, а сам он будет хорошим полицейским, интересующимся исключительно делом и стремящимся бескорыстно его раскрыть. Хансер внезапно поняла, что Харальдссон, возможно, является более опасным противником, чем она предполагала.

Она отступила на шаг в сторону. Харальдссон одарил ее улыбкой триумфатора и похромал дальше. Потом с максимальной фамильярностью прокричал в комнату Госкомиссии:

– Билли, у тебя найдется минутка?

Попросив прощения за то, что Фредрику придется повторить все, что он уже говорил, Ваня раскрыла блокнот. Она испытывала раздражение. Ей хотелось первой выслушивать свидетелей и подозреваемых. Существовал риск, что во второй раз они могут неосознанно проявить небрежность. Опустить какие-то сведения, полагая, что они их уже сообщили. Оценить информацию и счесть ее неинтересной. Ваня сообразила, что уже во второй раз за это расследование человек, с которым она беседует, немного утратил остроту восприятия из-за того, что все рассказал Харальдссону. Двое из двух возможных. Больше это не повторится, пообещала она себе. Она поднесла авторучку к бумаге.

– Ты видел Рогера Эрикссона?

– Да, в прошлую пятницу.

– И ты уверен в том, что это был он?

– Да, мы учились в одной гимназии. В прошлом семестре. Потом он перешел в другую.

– Вы учились в одном классе?

– Нет, я на год старше.

– Где ты видел Рогера?

– На улице Густавборгсгатан, возле парковки около института. Вы, возможно, не знаете, где она находится?..

– Мы разберемся.

Билли сделал себе заметку. Говоря «мы», Ваня в данной ситуации имела в виду его. Надо отметить на карте.

– В какую сторону он шел?

– В сторону города. Ну, я не знаю, в какую это получается сторону света.

– Это мы тоже узнаем.

Билли опять записал.

– Когда именно в пятницу ты его видел?

– Сразу после девяти.

Впервые за время разговора Ваня остановилась. Посмотрела на Фредрика чуть скептически. Может, она что-то неправильно поняла? Она снова посмотрела в свои записи.

– В девять часов вечера? В двадцать один час?

– Чуть позже.

– И мы говорим о прошлой пятнице? О двадцать третьем?

– Да.

– Ты в этом уверен? И в часе тоже?

– Да, я в половине девятого закончил тренировку и направлялся в город. Мы собирались в кино, и я знаю, что посмотрел на часы и у меня оставалось двадцать пять минут. Фильм начинался в половине десятого.

Ваня умолкла. Билли знал почему. Он только что закончил чертить на белой доске в их комнате временный график исчезновения Рогера. Тот вышел от своей подружки в двадцать два часа. По сведениям той же подружки, он не покидал ее комнаты и тем более ее дома в течение всего вечера. Что же он делал на этой неизвестной улице часом раньше? Ваня думала о том же самом. Значит, девочка-дюймовочка соврала, как она и думала. Сидевший перед ней юноша, похоже, заслуживал доверия. Солидный, несмотря на юный возраст. Ничто в его поведении не указывало на то, что он пришел сюда ради внимания окружающих, получения сильных ощущений или попросту из патологической склонности к выдумкам.

– Хорошо, значит, ты видел Рогера, а почему ты обратил на него внимание? В девять часов вечера в пятницу на улице ведь, вероятно, было довольно много народу?

– Потому что он шел один, а вокруг него кружил мопед, ну, знаете, чтобы вроде как поиздеваться.

Ваня с Билли оба подались вперед. Временный аспект был важен, но до сих пор сведения все-таки касались лишь передвижения жертвы в вечер исчезновения. А теперь внезапно возник кто-то другой. Некто издевавшийся. Это становилось интересным. Ваня еще раз мысленно ругнулась по поводу того, что слышит сведения второй.

– Мопед? – пришел на смену Ване Билли, чему она только обрадовалась.

– Да.

– Ты про него что-нибудь запомнил? Скажем, какого он был цвета?

– Да, хотя я знаю...

– Какого он был цвета? – перебил его Билли. Это была его сфера.

– Красного, но я знаю...

– Ты знаешь какие-нибудь марки? – снова перебил Билли, стремясь поскорее собрать мозаику. – Знаешь, что это был за тип мопеда? У него имелся регистрационный номер, ты его запомнил?

– Да или нет, я не помню. Но я знаю, чей он, то есть знаю, кто на нем ездит, – обратился Фредрик к Ване. – Лео Лундин.

Ваня с Билли посмотрели друг на друга. Ваня поспешно встала.

– Подожди здесь, я должна привести своего начальника.

* * *

Себастиан проснулся около четырех часов утра на одной из узких жестких односпальных кроватей на втором этаже. Судя по остальной обстановке комнаты, кровать принадлежала матери. Когда Себастиан покидал дом, у родителей не было отдельных спален, впрочем, новый порядок его не удивил. Ночь за ночью добровольно укладываться в постель рядом с его отцом – такое едва ли можно было считать здоровым поведением. Очевидно, это постепенно осознала даже мать.

Чаще всего Себастиан вставал сразу после того, как сон будил его, невзирая на время. Чаще всего, но не всегда. Иногда он оставался лежать. Дремал. Чувствовал, как судорога в правой руке потихоньку отпускает, и приглашал сон вернуться обратно.

Он даже тосковал по таким мгновениям. Тосковал и страшился их. Когда он позволял сну вновь обрести силу, выцеживая из него по капле чистое, неизвращенное чувство любви, возвращение к действительности оказывалось значительно более тяжким и наполненным страхом, чем когда он просто отпускал сон и вставал. Чаще всего оно того не стоило. Поскольку за любовью накатывала боль.

Утрата.

Безошибочно и всегда.

Это напоминало злоупотребление. Он предвидел последствия. Знал, что сразу за этим будет чувствовать себя настолько плохо, что едва сможет функционировать.

Будет едва в силах дышать.

Едва в силах жить.

Но периодически ему требовалась сама суть. Более сильное, подлинное чувство, которое воспоминания больше не были способны ему давать. Воспоминания – это все же лишь воспоминания. По сравнению с чувствами во время сна они казались бледными, чуть ли не пресными. К тому же наверняка не все они отличались подлинностью... Он что-то убавлял и добавлял. Сознательно и неосознанно. Какие-то части улучшал и усиливал, другие приглушал и отбрасывал. Воспоминания субъективны, а его сон объективен. Неумолим.

Несентиментален.

Невыносимо болезненный.

Но живой.

В это утро в старом родительском доме Себастиан остался в постели и позволил себе вновь погрузиться в объятия сна. Ему так хотелось. Требовалось. Это было легко, сон уже присутствовал в нем, словно невидимое существо, и Себастиану требовалось лишь придать ему немного обновленной силы.

Сделав это, Себастиан смог почувствовать ее. Не вспомнить – почувствовать. Ощутить ее маленькую ручку в своей. Слышать ее голос. Он слышал и другие голоса, другие звуки, но больше всего ее голос. Мог даже почувствовать, как она пахнет. Детским мылом и солнцезащитным кремом. В полусонном состоянии он явственно ощущал ее присутствие. По-настоящему. Снова. Его большой палец непроизвольно коснулся маленького дешевого колечка на ее указательном пальце. Бабочка. Он купил его среди прочей копеечной ерунды на многолюдном рынке. Она сразу полюбила колечко. Не захотела его больше снимать.

Тот день начался словно в замедленной съемке. Из номера они выбрались поздно. Собирались просто остаться в гостинице и спокойно провести весь день возле бассейна. Лили отправилась на пробежку. Запоздалую, укороченную пробежку. Когда они наконец вышли на улицу, лежать у бассейна Сабина не захотела. Нет, ей не сиделось на месте, поэтому он решил, что они ненадолго сходят на пляж. Пляж Сабина обожала. Ей очень нравилось, когда он держал ее за руки и играл с ней в волнах. Она вскрикивала от радости, когда он бросал ее маленькое тельце то в воздух, то в воду, то мокро, то сухо. По пути на пляж они проходили мимо других детей. Два дня назад был сочельник, и дети опробовали новые игрушки. Он нес ее на плечах. Одна девочка играла с надувным дельфином, голубым и красивым.

– Папа, я тоже хочу такого, – сказала Сабина, потянувшись к игрушке.

Это станет ее последним обращением к нему предложением. Пляж находился чуть дальше, за большим песчаным холмом, и Себастиан быстро зашагал туда, чтобы ей было о чем думать, кроме голубого дельфина. Номер удался – Сабина засмеялась, когда он устремился вперед по горячему песку. Ее мягкие ручки у его щетинистой щеки. Ее смех, когда он чуть не упал.

Уехать на Рождество было идеей Лили. Он не стал возражать. Себастиан не слишком любил долгие праздники и к тому же довольно плохо переносил ее семью, поэтому, когда она предложила уехать, сразу согласился. Вообще-то загорать и купаться ему не особенно нравилось, но он понимал, что Лили, как всегда, старается облегчить ему жизнь. Кроме того, солнце и воду обожала Сабина, а все, что нравилось Сабине, нравилось и ему. Делать что-то ради других было относительно новым чувством для Себастиана. Оно возникло с появлением Сабины. «Приятное чувство», – думал он, стоя на берегу и глядя на Индийский океан. Он спустил Сабину на землю, и она, быстро перебирая маленькими ножками, сразу устремилась к воде. Было значительно мельче, чем в предыдущие дни, и край пляжа оказался дальше обычного. Себастиан предположил, что вода так далеко отступила из-за отлива. Он подхватил дочку и

побежал с ней к воде. День выдался немного пасмурным, но температура воздуха и воды была идеальной. Без малейшего волнения он в последний раз поцеловал девочку, прежде чем опустить ее животом в теплую воду. Сабина вскрикнула, а потом засмеялась – вода казалась ей пугающей и чудесной одновременно, и Себастиан на секунду задумался над психологическим термином для их игр. Упражнения на доверие. Папа не отпускает рук. Ребенок становится смелее. Простое слово, содержание которого Себастиану еще не доводилось применять на практике: доверие. Сабина кричала от радости, смешанной со страхом, и Себастиан поначалу не слышал шума. Был полностью поглощен доверием между ним и дочкой. Когда же он наконец услышал звук, было уже поздно.

В тот день он выучил новое слово.

Слово, которого он, хоть и очень много читал, прежде никогда не слышал.

Слово, которое он теперь никогда не забудет.

Никогда в жизни.

Цунами.

В те разы, когда он по утрам приглашал сон, он вновь терял ее. И горе разрывало его с такой силой, что ему казалось – он никогда не сможет подняться с постели.

Но он поднимался.

Постепенно.

И то, что представляла собой его жизнь, продолжалось.

10

«Леонард!» – Клара Лундин поняла, что дело касается ее сына, сразу, как только увидела на ступеньках молодую пару. Она сообразила, что они не Свидетели Иеговы и не торговцы, еще до того, как они представились и предъявили удостоверения. Она знала, что этот день настанет. Знала, и от волнения у нее в желудке образовался ком. Или, возможно, просто более отчетливо дал о себе знать. Клара уже так давно ощущала это давление на диафрагму, что больше почти не обращала на него внимания. Когда по вечерам звонил телефон. Когда по выходным с дороги доносились звуки сирен. Когда она просыпалась от того, что Леонард приходил домой вместе с приятелями. Когда обнаруживала у себя в почте мейлы из школы.

– Лео дома? – спросила Ванья, убирая удостоверение.

– Леонард, – машинально поправила ее Клара. – Да, дома... Зачем он вам понадобился?

– Он болен? – спросила Ванья, уклоняясь от вопроса о причине их визита.

– Нет, не думаю... Почему?

– Я так подумала, потому что он не в школе.

Клару сообразила, что даже не задумалась над этим. Она работала в больнице по скользящему графику и все реже вникала в то, как ее сын посещает школу. Он приходил и уходил более или менее когда ему заблагорассудится. Почти всегда поступал по собственному усмотрению.

Вообще-то всегда.

Она утратила контроль. Только и всего. Оставалось лишь признать это. Утратила полностью. Меньше чем за год. В книгах и газетных колонках с советами специалистов писали, что это естественно. Как раз в таком возрасте мальчики начинают отдаляться от родителей и помаленьку изучать мир взрослых. Необходимо побольше ослабить поводья, но продолжать крепко держать их – главным образом для того, чтобы создавать мальчикам уверенность в том, что ты всегда у них есть. Однако Леонард никогда ничего не делал помаленьку. Он прыгал. Изо дня в день. Словно в черную дыру. Внезапно он скрылся из виду, и никакие поводья в мире так далеко не доставали. Она у него была, но он в ней больше не нуждался. Совсем.

– Он просто решил поспать немного подольше. Что вам от него надо?

– Не могли бы мы с ним встретиться? – поинтересовался Билли, заходя вместе с Ваньей в прихожую.

Внутри басовое пение, которое доносилось до них, еще когда они только приближались к одноэтажному дому в форме буквы L, слышалось еще более отчетливо. Хип-хоп. Билли узнал мелодию.

DMX. X Goin' Give It To Ya.

2002.

Oldschool.

– Я его мать и хочу знать, что он натворил.

Ванья отметила, что мама не хочет знать, что, как они *думают* или *подозревают*, сын натворил. Нет, она исходит из того, что сын провинился.

– Мы хотим немного поговорить с ним о Рогере Эрикссоне.

Убитый мальчик. Почему полиция хочет говорить с Леонардом об убитом мальчике? Теперь в желудке ощущался настоящий спазм. Клара только молча кивнула, отодвинулась в сторону, впуская Ванью и Билли, а затем удалилась налево, через гостиную, к закрытой двери. К двери, которую ей не разрешалось открывать без стука. Она постучалась.

– Леонард, пришли из полиции и хотят с тобой поговорить.

Билли с Ваньей остались ждать в прихожей, маленькой, но хорошо обустроенной. На стене справа крюки, на которых на плечиках висят три куртки, две из них, похоже, принадлежат

Леонарду. На четвертом крюке висит одинокая женская сумочка. Под крюками – маленькая полочка, на ней четыре пары обуви. Две из них – кроссовки. *Reebok* и *Eck*, подметил Билли. У противоположной стены – маленький комод, над ним зеркало. Поверхность комода почти пуста, за исключением небольшой салфетки и вазочки с бессмертниками. После комода стена довольно быстро заканчивалась, и начиналась гостиная. Клара вновь постучала в закрытую дверь.

– Леонард, они хотят немного поговорить с тобой о Рогере. Выходи.

Она опять постучала. В прихожей Билли с Ваньей обменялись взглядами и молча приняли решение. Они вытерли ноги о коврик у двери и прошли через гостиную. Возле самой двери, ведущей на кухню, на ковре с двумя коричневыми четырехугольниками на желтом фоне стоял простой столовый гарнитур, а чуть дальше, спинкой к нему, – один из двух диванов. Второй диван стоял напротив, и между ними располагался низкий журнальный столик какого-то светлого дерева. Береза, наобум решила Ванья. На стене висел телевизор. Никаких фильмов, несмотря на наличие под ним DVD-проигрывателя. Никаких игровых консолей или игр. Комната хорошо обустроена и прибрана. На диванах, казалось, давно никто не сидел. Подушечки в порядке, плед свернут, два пульта дистанционного управления лежат рядом друг с другом. Всю стену за вторым диваном занимал стеллаж с аккуратными рядами книг в твердых и мягких обложках, кое-где прерывающимися тщательно обтертыми от пыли украшениями. Ванья с Билли подошли к Кларе, которая уже начала волноваться.

– Леонард, открывай!

Никакой реакции. Музыка играла с той же громкостью. «Возможно, еще громче, – подумала Ванья. – Или мы просто подошли ближе». Билли постучал. Решительно.

– Лео, мы можем с тобой немного поговорить?

Никакой реакции. Билли снова постучал.

– Очень странно, похоже, он заперся.

Ванья с Билли посмотрели на Клару. Билли нажал на ручку.

Совершенно верно.

Заперто.

Ванья бросила быстрый взгляд в окно гостиной, выходившее во двор. Внезапно она увидела, как на траву перед домом мягко приземлился высокий рыжеволосый парень, помчался через газон в одних носках и скрылся из ее поля зрения. Все произошло молниеносно.

– Лео! Остановись! – автоматически закричала Ванья, бросившись к закрытой двери на террасу.

Однако Лео и не думал останавливаться. Он только увеличил скорость. Ванья обернулась к изумленному Билли.

– Беги с главного входа! – прокричала она, уже пытаясь открыть дверь на террасу. Вдали еще был виден убегающий мальчик. Она открыла дверь и быстро преодолела клумбу. Потом увеличила скорость и снова закричала вслед мальчику.

* * *

Около восьми часов Себастиан встал с кровати, принял душ и дошел до кафе при бензоколонке, располагавшейся в нескольких сотнях метров от дома. Он купил завтрак и латте и поел, наблюдая за постоянными посетителями, покупавшими сигареты, кофе и 95-октановый бензин. Вернувшись в свое временное жилище, Себастиан вынул из переполненного почтового ящика газеты, письма, счета и рекламу. Все, кроме сегодняшней газеты, он отправил в бумажный пакет, который нашел в чулане в сложенном виде. Он надеялся, что маклер скоро позвонит и ему не придется регулярно питаться на бензоколонке. От скуки он вышел на улицу и уселся позади дома, где солнце уже начало нагревать довольно новый деревянный настил.

Когда Себастиан был маленьким, тут лежали каменные плиты с выступающими маленькими камешками. Насколько ему помнилось, тогда у всех были именно такие. Теперь, похоже, все заменили их на деревянные настилы.

Себастиан достал газету и уже собирался начать читать раздел, посвященный культуре, когда услышал настойчивый женский крик: «Лео! Остановись!» – и через несколько секунд из туевой изгороди соседей показался крупный рыжеволосый подросток, который перебежал через разделявшую участки узкую велосипедную дорожку и одним прыжком перемахнул через метровый белый забор на его участок. Следом появилась женщина лет тридцати. Быстрая. Ловкая. Она отставала не на много метров, уже когда продиралась сквозь тую, а теперь приближалась к юноше. Наблюдая за погоней, Себастиан молча заключил сам с собой пари, что парень не успеет добраться до забора следующего участка. И действительно. За несколько метров до забора женщина рванулась вперед и уложила парня точно направленным приемом. «Справедливости ради следует сказать, что наличие обуви создавало ей на мягкой почве известное преимущество», – подумал Себастиан, увидев, как они оба от скорости покатались по земле. Женщина быстро применила захват и заломила руку лежавшего парня за спину. Полицейский захват. Себастиан встал и прошел несколько шагов по газону. Не потому, что хотел вмешаться, – просто чтобы лучше видеть. Женщина, похоже, держала ситуацию под контролем, а если бы и нет, то ей на помощь с другой стороны прибежал мужчина примерно того же возраста. Вероятно, тоже полицейский, поскольку он быстро достал наручники и начал застегивать их на руках парня, заведя ему руки за спину.

– Блин, отпустите меня. Я ничего не сделал!

Рыжеволосый извивался на газоне, насколько ему позволял эффективный захват женщины.

– Чего ж ты тогда убегаешь? – спросила женщина и вместе с коллегой поставила парня на ноги.

Они двинулись к главному фасаду дома – и к ожидающей машине, предположил Себастиан. Во время короткого пути женщина заметила, что они на участке не одни. Она быстро посмотрела в сторону Себастиана, извлекла из кармана удостоверение и открыла его. С такого расстояния это с таким же успехом мог быть читательский билет. Себастиан не имел ни малейшего шанса прочесть, что там написано.

– Ванья Литнер, Государственная комиссия по расследованию убийств. Все под контролем. Вы можете возвращаться в дом.

– Я был на улице. Ничего, если я тут и останусь?

Но женщину он явно больше не интересовал. Она убрала удостоверение и снова взялась за руку рыжеволосого. Тот выглядел как парень, которого жизнь рано направила по наклонной плоскости. Стало быть, к ожидающей полицейской машине его наверняка ведут не впервые. На тропинке появилась еще одна женщина. Она остановилась, прикрыла руками рот и подавила крик, увидев, что происходит на газоне участка Себастиана. Себастиан присмотрелся к ней. Мать, ясное дело. Мягкие рыжие выющиеся волосы. На вид лет сорок пять. Не очень высокая, примерно метр шестьдесят пять. Довольно хорошо тренированная. Скорее всего, фитнес. Вероятно, соседка с другой стороны живой изгороди. Когда он здесь жил, там проживала немецкая пара с двумя шнауцерами. Уже тогда люди старые. Их наверняка нет в живых.

– Леонард, что ты натворил? Что происходит? Что он такого сделал?

Женщину, казалось, не волновало, что никто ей не отвечал. Она фонтанировала вопросами. Быстро и с ускорением, голосом, приближавшимся к фальцету. Точно предохранительный клапан скороварки. Оставь она их при себе, она бы взорвалась от волнения. Женщина двинулась дальше по газону.

– Что он сделал? Пожалуйста, расскажите мне. Почему ты всегда попадаешь в неприятности, Леонард?! Что он сделал? Куда вы его ведете?

Женщина-полицейский отпустила руку мальчика и сделала несколько шагов в сторону взволнованной матери. Мужчина-полицейский повел парня дальше.

– Мы только хотим с ним поговорить. Его имя всплыло в нашем расследовании, – объяснила она, и Себастиан отметил успокаивающую руку на плече взволнованной женщины. Контакт. Отлично. Профессионально.

– Что значит – всплыло? Каким образом?

– Сейчас ему придется отправиться с нами в отделение. Если вы подъедете попозже, мы сможем во всем спокойно разобраться. – Ванья умолкла и постаралась поймать взгляд женщины, перед тем как продолжить: – Клара, в настоящий момент я ничего не знаю. Приезжайте позднее, спросите меня или Билли Русэна. Меня зовут Ванья Литнер.

Ванья, конечно, представлялась, когда они пришли к Лундинам, но Клара совсем не обязательно запомнила или даже уловила ее имя. Поэтому Ванья на всякий случай достала и протянула ей визитную карточку. Клара с кивком взяла ее, из-за сильного шока ей было не до протестов. Ванья развернулась и покинула участок. Клара увидела, как та скрывается за углом возле кустов смородины. На мгновение она застыла на месте. Совершенно растерянная. Потом она обратилась к первому попавшемуся человеку, коим оказался Себастиан.

– Разве они имеют право так поступать? Увозить его без меня? Он ведь несовершеннолетний.

– Сколько ему?

– Шестнадцать.

– Тогда имеют.

Себастиан пошел обратно к деревянному настилу, утреннему солнцу и газете. Клара осталась стоять на месте, глядя на угол, за которым скрылась Ванья, и словно ожидая, что все трое выскочат оттуда с улыбками и смехом и объявят, что это была лишь шутка. Хорошо спланированный розыгрыш. Но они не выскочили. Клара обернулась к Себастиану, который только что снова уселся поудобнее в белом плетеном кресле.

– А вы ничего не можете сделать? – умоляюще спросила она.

Себастиан посмотрел на нее вопросительно:

– Я? Что же я могу сделать?

– Вы ведь сын Бергманов? Себастиан? Вы же работаете с чем-то подобным.

– Работал. В прошедшем времени. Я больше ничем таким не занимаюсь. И даже когда занимался, я не опротестовывал задержаний. Я был специалистом по криминальной психологии, а не юристом.

На улице завелась машина и увезла ее единственного сына. Себастиан посмотрел на стоящую на его газоне женщину. Растерянную. Брошенную.

– Что он натворил? Ваш сын? Раз им интересуется Государственная комиссия по расследованию убийств?

Клара подошла немного поближе.

– Это как-то связано с тем мальчиком, которого убили. Я не знаю. Леонард никогда бы ничего подобного не сделал. Никогда.

– М-да, а что же тогда Леонард делает?

Клара посмотрела на Себастиана непонимающим взглядом, а тот кивнул на забор.

– Когда вы перелезали через забор, вы ругали его за то, что он вечно попадает в неприятности.

Клара задумалась. Неужели она такое говорила? Она не знала. Было так много вопросов. Такая путаница в мыслях, но, возможно, и сказала. Леонард попадал в кое-какие неприятности, особенно в последнее время, но ведь это же совсем другое дело.

– Но он не убийца!

– Никто не является убийцей, пока кого-нибудь не убьет.

Клара посмотрела на Себастиана, которого явно не интересовали и не волновали разыгравшиеся на его участке события. Он постукивал пальцами по газете так, будто ничего необычного или важного не произошло.

– Значит, вы не собираетесь мне помочь?

– У меня дома есть «Желтые страницы», я могу открыть их на букве А, как в слове «адвокат».

Клара почувствовала, как к комку беспокойства и страха присоединилась злость. За те годы, что она жила по соседству с Эстер и Туре, ей доводилось кое-что слышать о сыне Бергманов. Но ничего хорошего. Ни разу.

– А я-то думала, что Эстер преувеличивала, рассказывая о вас.

– Меня бы это удивило: моя мать никогда не была склонна к широким жестам.

Клара коротко взглянула на Себастиана, потом развернулась и ушла, не сказав ни слова. Себастиан подобрал с настила первую половину газеты. Он уже видел эту статью, но тогда она его не слишком заинтересовала. Теперь он ее снова раскрыл.

«Государственная комиссия по расследованию убийств расследует убийство мальчика».

11

– Почему ты бросился бежать?

Ванья и Билли сидели напротив Леонарда Лундина в безлико обставленной комнате. Стол, три довольно удобных стула. На стенах обои неброской расцветки, кое-где плакаты в рамках, в одном из углов – торшер позади маленького кресла. Из окна проникает дневной свет, правда, сквозь матовые стекла, но все же дневной свет. Помещение больше напоминало номер на турбазе, чем комнату для допросов, минус кровать и плюс две камеры наблюдения, регистрирующие и записывающие все в соседней комнате.

Леонард сидел на самом краешке сиденья, ссутулившись и скрестив руки на груди, его ноги в носках торчали из-под стола. На полицейских он не смотрел, а уставился куда-то вниз и налево. Вся его фигура излучала отсутствие интереса и, возможно, некоторое высокомерие.

– Не знаю. Рефлекс.

– У тебя рефлекс бежать, когда с тобой хочет поговорить полицейский? Откуда? – Леонард пожал плечами. – Ты совершил что-нибудь противозаконное?

– Похоже, вы считаете, что да.

Ирония судьбы заключалась в том, что, поехав к Лундинам поговорить с ним, они ничего подобного не думали, но побег в одних носках через окно, несомненно, увеличил их интерес и степень подозрения. Ванья уже решила, что они обыщут комнату Леонарда. Через окно убегают в крайних случаях. Возможно, у него в комнате имеются вещи, которые он ни за что не хочет им показывать. Вещи, связывающие его с убийством. Пока они знают только, что он в пятницу вечером кружил вокруг жертвы на мопеде. Ванья направила разговор на это:

– Ты встречался с Рогером Эрикссоном в прошлую пятницу.

– Разве?

– У нас есть свидетель, который видел вас вместе. На улице Густавборгсгатан.

– Вот как, значит, вероятно, встречался. Ну и что из этого?

– «Вот как, значит, вероятно, встречался» – это признание? – Билли оторвал взгляд от блокнота и пристально посмотрел на мальчика. – Ты встречался с Рогером Эрикссоном в прошлую пятницу?

Леонард встретился с ним взглядом и кивнул.

– На этот вопрос Леонард отвечает да, – перевел Билли кивок для стоящего на столе магнитофона.

Ванья продолжила.

– Вы с Рогером учились в одной школе, потом он перешел в другую. Ты знаешь почему?

– Об этом спросите у него.

Какая жуткая глупость. Какое... отсутствие уважения. Билли захотелось хорошенько встряхнуть парня. Ванья почувствовала это и незаметно накрыла его руку своей. Без намека на раздражение или малейшего признака того, что она поддалась на провокацию, Ванья раскрыла лежавшую перед ней на столе папку.

– Я бы с удовольствием. Но он, как тебе, возможно, известно, мертв. Его бросили в болото, вырезав у него сердце. У меня тут есть несколько снимков...

Ванья начала выкладывать перед Леонардом сильно увеличенные глянцевые фотографии с места обнаружения трупа и из морга. Ванья и Билли знали, что совсем не важно, сколько смертей ты видел в кино или в играх. Никаким информационным средствам не под силу воздать смерти должное. Даже самые талантливые специалисты по созданию эффектов не способны вызвать чувство, возникающее при виде настоящего мертвого тела. Особенно если ты, как Леонард, неделю назад видел человека живым. Леонард бросил быстрый взгляд на фотографии. Постарался принять равнодушный вид, но Ванья и Билли видели, что ему трудно,

чтобы не сказать невыносимо, смотреть на снимки. Впрочем, это ничего не значило. Причиной, по которой ему было не заставить себя смотреть, могли с равным успехом оказаться шок и вина. Подобные фотографии с одинаковой силой воздействуют на преступника и на невиновного. Почти без исключений. Поэтому его реакция являлась не столь важной. Главное – перевести допрос в серьезное русло. Пробить эту самоуверенную, уклончивую позицию. Ваня продолжала медленно и спокойно выкладывать снимок за снимком, и Билли осенило: он не перестает ею восхищаться. Хоть она на несколько лет младше него, он воспринимает ее как старшую сестру. Старшую сестру, которая имеет по всем предметам отличные оценки, крута, всегда готова помочь младшим братьям и сестрам, но тон которой не является нравоучительным. Сейчас она склонилась к Леонарду.

– Мы здесь для того, чтобы поймать сделавшего это. И обязательно поймать. В настоящий момент у нас есть только один подозреваемый, и это ты. Поэтому, если ты хочешь отсюда выйти и начать хвастаться перед приятелями тем, как убежал от копов, тебе лучше отбросить позерство и отвечать на мои вопросы.

– Я же сказал, что встречался с ним в пятницу.

– Но я спросила не об этом. Меня интересует, почему он сменил школу.

Леонард вздохнул.

– Думаю, мы немного издевались над ним. Я не знаю, поэтому ли. Но издевался не только я. Его никто в школе не любил.

– Ты меня разочаровываешь, Леонард. Крутые парни не сваливают на других. Ты, вероятно, был одним из главных заводил, не так ли? Мне, во всяком случае, так говорили.

Лео посмотрел на нее и, похоже, как раз собирался ответить, когда Билли перебил его:

– Красивые часы. Это «Тонино Ламборджини Пилот»?

В комнате воцарилось молчание. Ваня смотрела на Билли с некоторым удивлением. Не из-за того, что он опознал часы, а из-за внезапности реплики. Леонард опустил руки, и его правый рукав скрыл часы. Однако он ничего не сказал. Да этого и не требовалось. Ваня наклонилась к нему:

– Если у тебя не найдется на них квитанции, то твои дела чертовски плохи.

Леонард поднял взгляд.

Посмотрел в их серьезные глаза.

Сглотнул.

И начал рассказывать. Все.

* * *

– Он признает, что украл часы. Он катался на мопеде и увидел Рогера, вот здесь. – Ваня поставила крестик на висящей на стене карте.

Все были в сборе. Урсула с Торкелем внимательно слушали Ваню и Билли, пересказывавших самое важное из допроса Лео.

– Говорит, что хотел подразнить Рогера и стал ездить вокруг него на мопеде. Тогда Рогер, по словам Леонарда, толкнул его. Они начали ссориться всерьез, подрались. У Рогера даже пошла носом кровь. Леонард несколькими ударами кулаков повалил Рогера на землю и забрал часы в качестве своего рода наказания.

Все молчали. Именно часы – единственное, что у них на данный момент имелось против Леонарда. Не было никаких свидетельств или технических доказательств, которые бы опровергали его рассказ.

– Но это лишь утверждения Леонарда. Вполне возможно, драка разгорелась всерьез, он вытащил нож и убил Рогера, – продолжила Ваня.

– Нанеся ему более двадцати ударов? На одной из центральных улиц? И никто ничего не видел? – В голосе Урсулы звучал справедливый скепсис.

– Мы не знаем, как там все выглядит вокруг. Он мог запаниковать. Удар, Рогер лежит и кричит. Лео соображает, что может угодить за решетку, тащит его в кусты, продолжая наносить удары. Только чтобы заставить его замолчать.

– А сердце? – Урсула по-прежнему говорила с явным недоверием.

Ванья отнеслась к этому с пониманием.

– Не знаю. Но что бы там ни произошло, дело было в начале десятого. Лео подтвердил время. Он посмотрел на часы, когда снимал их с руки Рогера. Следовательно, Рогер не пробыл у Лизы до 22:00, как она утверждает.

Торкель кивнул.

– О'кей, вы хорошо поработали. Есть ли у нас что-нибудь с места обнаружения трупа? – обратился он к Урсуле.

– Немного. Отпечатки шин, которые мы обнаружили, оставлены шинами «Пирелли П7». Не самые стандартные шины, но довольно обычные. К тому же мы точно не знаем, принадлежат ли отпечатки именно машине, привезшей туда труп.

Урсула вынула из лежащей на столе папки бумагу и снимок с отпечатками шин и дала Билли. Тот подошел к доске, чтобы разместить новую информацию на соответствующем месте.

– Леонард Лундин имеет доступ к машине? – поинтересовался Торкель, пока Билли прикреплял булавками снимок и справку о шинах «Пирелли».

– Насколько нам известно, нет. Утром возле их дома машины не было.

– Как же он тогда довез тело до болота? На мопеде?

В комнате воцарилось молчание. Конечно нет. И так довольно слабая версия того, как произошло убийство, сразу стала еще слабее. Но ее все равно требовалось проверить, прежде чем отбросить окончательно.

– Мы с Урсулой возьмем с собой полицейских в форме, поедem к Лундинам и обыщем дом. Билли, ты отправляйся на Густавсборгсгатан и посмотри, могло ли убийство вообще произойти там. Ванья, ты...

– ...еще раз поговорю с Лизой Ханссон, – дополнила Ванья с почти не скрываемым удовольствием.

* * *

Клара стояла перед домом и курила. Около часа назад приехали несколько новых полицейских из Госкомиссии вместе с еще парой полицейских в форме. Когда Клара спросила, может ли она поехать в отделение и поговорить с Ваньей Литнер, оставившей ей визитку, ей коротко сообщили, что Леонард останется в следственном изоляторе, пока они не проверят его данные. И не обыщут ее дом. Так что если она будет так любезна...

В результате она стояла, выгнанная из дома, курила, мерзла, несмотря на весеннее тепло, и пыталась собраться с мыслями. Или, вернее, вытеснить одну из них, упорно возвращавшуюся и пугавшую Клару больше чего-либо другого: Леонард может действительно иметь отношение к смерти Рогера. То, что они не были друзьями, Клара знала. Или... кого она на самом деле пытается обмануть? Леонард травил Рогера. Преследовал. Иногда очень агрессивно.

Когда мальчики учились в старших классах, Клару неоднократно вызывали к директору, в последний раз речь шла о том, чтобы исключить Леонарда из школы, но ведь существует обязательное школьное образование. Не могла бы Клара поговорить с Леонардом, разрешить ситуацию, так сказать, домашними средствами? Ей сообщили, что крайне важно решить эту проблему. Предъявляемых школам исков о возмещении вреда в связи с попустительством травле

становится все больше и больше, и суммы все увеличиваются и увеличиваются. И их школа не хочет становиться частью растущей статистики.

Все как-то образовалось. После весенней четверти, когда Кларе казалось, что она только и делает, что угрожает и подкупает, средняя школа закончилась, и за летние каникулы Кларе удалось убедить себя в том, что в гимназии дело пойдет лучше. Они начнут с чистого листа. Но не получилось. Потому что они пошли в одну и ту же гимназию – Леонард и Рогер.

В гимназию Рунеберга. Леонард по-прежнему там учился, а Рогер буквально через месяц ушел. Клара знала, что Леонард, вероятно, во многом явился причиной того, что Рогер сменил гимназию. Или более того? Клара разозлилась на себя за то, что допускает такую мысль: что же она за мать? Однако полностью отделаться от этой мысли она не могла. Неужели ее сын – убийца?

Тут Клара услышала приближающиеся шаги и обернулась. К ней вперевалку направлялся Себастиан Бергман с двумя пакетами из кафе при бензоколонке в руках. Клара поджала губы.

– Стало быть, они снова здесь, – сказал он, кивая на дом и подходя поближе. – Если хотите, можете подождать у меня дома, это займет некоторое время.

– Значит, вы вдруг решили проявить участие?

– Не совсем, но я хорошо воспитан. Мы ведь соседи.

Клара фыркнула, бросив на него холодный взгляд.

– Спасибо, я уж как-нибудь обойдусь.

– Не сомневаюсь, но вы мерзнете, и весь квартал уже в курсе, что тут полиция. С минуты на минуту появятся журналисты. Они не останутся за пределами участка. Если вам кажется, что я назойлив, то по сравнению с ними я ничто.

Клара снова посмотрела на Себастиана. Вообще-то два журналиста уже звонили. Один из них даже четыре раза. Клара не имела желания встречаться с ними лично. Она кивнула и сделала несколько шагов в его сторону. Они вместе направились к калитке.

– Себастиан?

Себастиан незамедлительно узнал голос и обернулся к мужчине, которого очень давно не видел. На лестнице возле двери в дом Клары стоял Торкель с, мягко говоря, вопросительным выражением лица. Себастиан поспешно повернулся обратно к Кларе.

– Идите вперед, там открыто. Вы можете прихватить их? – Он протянул ей пакеты с едой. – Если у вас есть желание начать готовить обед – пожалуйста.

Клара с некоторым удивлением взяла пакеты. На секунду показалось, что она собирается что-то спросить, но потом она передумала и пошла к дому Себастиана. Себастиан посмотрел на Торкеля, который спускался с последних ступенек с таким видом, будто не верит своим глазам.

– Какого черта ты здесь делаешь?

Торкель протянул руку, Себастиан ответил тем же. Торкель крепко пожал ему руку.

– Рад тебя видеть. Мы не виделись целую вечность.

Он явно почувствовал себя обязанным обнять Себастиана. Короткое крепкое объятие, на которое Себастиан толком не ответил. После объятия Торкель отступил на шаг назад.

– Что ты делаешь в Вестеросе?

– Я там живу. – Себастиан показал на соседний дом. – В доме матери. Она умерла. Мне надо продать дом, поэтому я здесь.

– Как печально. Я имею в виду твою мать.

Себастиан пожал плечами. Не так уж и печально, Торкелю следовало бы это знать, они все-таки какое-то время по-настоящему дружили. Правда, довольно много лет назад, двенадцать, если быть точным, но они многократно обсуждали родителей Себастиана и его отношение к ним. Просто Торкель вежливый. А чего же еще ждать? Двенадцать лет – слишком долгое время для того, чтобы продолжать там, где закончили. Слишком долгое даже для того, чтобы

сказать, что они друг друга знают. Слишком долгое для того, чтобы разговор пошел как по маслу. Соответственно, возникла небольшая пауза.

– Я по-прежнему в Госкомиссии, – через несколько секунд сказал Торкель, нарушив молчание.

– Я понял. Я слышал про парня.

– Да...

Снова молчание. Торкель откашлялся и кивнул на дом, из которого вышел:

– Мне надо продолжать...

Себастиан понимающе кивнул. Торкель улыбнулся ему.

– Лучше уходи, пока тебя не увидела Урсула.

– Значит, вы по-прежнему работаете вместе?

– Она лучше всех.

– Лучше всех я.

Торкель посмотрел на мужчину, которого много лет назад описал бы как своего друга. Возможно, не как лучшего и даже не близкого, но определенно как друга. Он мог бы, естественно, оставить комментарий Себастиана без внимания, согласно кивнуть, улыбнуться, похлопать Себастиана по плечу и уйти в дом, но это казалось не совсем справедливым. По отношению к ним обоим. Поэтому он продолжил разговор:

– Ты *был* лучшим. Во многих отношениях. И совершенно безнадежным в других.

Себастиан, собственно, ничего не имел в виду, произнося свою реплику. Скорее, поддался рефлексу. Инстинкту. В течение четырех лет, которые они с Урсулой проработали вместе, они постоянно соперничали. Разные области. Разные задания. Разные методы. Все разное. Но в одном они трогательно сходились. Лучшим в команде может быть только кто-то один. Так уж они оба были сконструированы. Но Торкель прав. Себастиан был непобедим во многих – или, во всяком случае, в нескольких – областях. А в других – совершенно безнадежен. Себастиан слабо улыбнулся Торкелю:

– К сожалению, я культивирую безнадежную сторону. Береги себя.

– Ты тоже.

Себастиан развернулся и пошел к калитке. К его огромному облегчению, от Торкеля не последовало «надо бы встретиться вечером» или «давай как-нибудь выпьем пивка». Очевидно, он испытывал столь же малую потребность в возобновлении отношений, как и Себастиан.

Когда Себастиан свернул налево, к своему дому, Торкель увидел, что на лестнице дома Клары появилась Урсула. Она смотрела вслед мужчине, скрывавшемуся за следующим домом. Если взгляд Торкеля при виде Себастиана был полон изумления, то ее взгляд излучал нечто совершенно иное.

– Это Себастиан?

Торкель кивнул.

– Какого черта он здесь делает?

– Его мать, очевидно, жила по соседству.

– Вот как, а чем он нынче занимается?

– Судя по всему, культивирует свою безнадежную сторону.

– Стало быть, ничего не изменилось, – многозначительно произнесла Урсула.

Торкель улыбнулся про себя, подумав о том, как Урсула с Себастианом вечно боролись по поводу каждой детали, каждого анализа, каждого шага в расследованиях. На самом деле они были очень похожи, поэтому, наверное, и не могли сотрудничать. Они пошли обратно к дому. По пути Урсула протянула Торкелю закрытый пластиковый пакет. Он взял его с явным интересом.

– Что это?

– Футболка. Мы нашли ее в корзине с грязным бельем в ванной комнате. Она в крови.

Торкель посмотрел на предмет одежды в пакете еще более заинтересованно. Леонарду Лундину это ничего хорошего не сулило.

12

Повторная беседа с Лизой Ханссон заняла больше времени, чем надеялась Ванья. Она отправилась в Пальмлёвскую гимназию, расположенную чуть в стороне от Вестероса. Эту школу, несомненно, отличали высокие амбиции. Посаженные аккуратными рядами деревья, желтые оштукатуренные каменные стены без всяких граффити и неизменное место в десятке лучших по итогам государственных экзаменов. Школа, которая ученикам типа Леонарда Лундина даже не снится. В ней учился Рогер. Перевелся из гимназии Рунеберга, расположенной в городе. Ванья почувствовала, что за этой сменой школы может стоять нечто такое, что ей следует проверить. Рогер поменял одну среду на другую. Может, при этом что-то произошло? Большие перемены могут приводить к конфликтам. Ванья решила получше разобраться в личности Рогера. Это станет следующим шагом: сперва необходимо внести ясность в ситуацию с несколькими пропавшими часами, наличие которых Лиза Ханссон упорно отказывалась признавать.

Прежде чем Ванье наконец удалось узнать, в каком классе учится Лиза, найти нужный класс и прервать урок английского языка, прошло не менее получаса.

Класс с любопытством зашептался, когда Лиза встала и, как показалось Ванье, почти вызывающе медленно подошла к ней. Какая-то девочка с одной из первых парт подняла руку, но заговорила, не дожидаясь какого бы то ни было сигнала со стороны учителя или Ваньи:

– Вы уже знаете, кто это сделал?

Ванья покачала головой.

– Пока нет.

– Я слышала, что это парень из его бывшей школы.

– Да. Лео Лундин, – поддержал коротко стриженный парень с большими клипсами из фальшивых драгоценных камней в ушах. – Из его старой школы, – пояснил парень, когда Ванья не среагировала на имя.

Ванью это в принципе не удивило. Город довольно маленький, и молодежь постоянно пребывает на связи. Посредством эсэмэс, MSN и «Твиттера», естественно, уже распространились сведения о том, что их ровесника забрали для допроса. Причем при достаточно эффективных обстоятельствах. Но способствовать распространению слухов Ванья не собиралась.

Напротив.

– Мы разговариваем со всеми, с кем можем, и по-прежнему исследуем любые гипотезы, – сказала она, перед тем как пропустить вперед Лизу и закрыть за собой дверь класса.

Когда они оказались в коридоре, Лиза скрестила руки на груди, заносчиво посмотрела Ванье в глаза и спросила, что ей надо. Ванья откровенно объяснила, что ей требуется перепроверить некоторые сведения.

– Разве вы имеете право допрашивать меня в отсутствие родителей?

Ванья почувствовала острый приступ раздражения, но сделала все, чтобы этого не показать.

– Я тебя не допрашиваю. Тебя ни в чем не обвиняют. Я просто хочу с тобой немного поговорить, – максимально спокойно пояснила она, улыбнувшись Лизе.

– Тем не менее я хочу, чтобы мама или папа присутствовали.

– Почему? Это дело нескольких минут.

Лиза пожала плечами.

– Просто хочу, и все.

Ванья не смогла сдержать раздраженный вздох, но предпочла не пытаться продолжать разговор против воли Лизы. Поэтому девочка позвонила отцу, который явно работал где-то

поблизости, и после того, как Лиза отказалась от предложения Ваньи выпить кофе или лимонаду в кафетерии, они спустились на первый этаж, чтобы ждать отца.

Ванья воспользовалась случаем и позвонила Билли и Урсуле. Билли сообщил ей, что на Густавборгсгатам столь жестокое убийство не могло произойти в принципе. Из-за наличия поблизости школы, бассейна и стадиона там было довольно много народу и транспорта. Там же, где строения отсутствовали, находились парковки и открытые пространства. Исключать из расследования Лео Лундина, конечно, рано, но им требуется разрабатывать иной, реалистичный сценарий. Хорошей новостью стало то, что Билли обнаружил на улице камеры наружного наблюдения. В случае удачи события той пятницы где-нибудь сохранились. Он собирался это проверить.

Урсула могла в основном сообщить лишь, что футболку с кровью отправили на анализ. Урсула проверила гараж и мопед, не найдя на последнем следов крови, и собиралась заняться домом. Ванья напомнила ей о необходимости особенно тщательно осмотреть комнату Лео, но лишь услышала, что Урсула не может действовать более тщательно, чем действует в данный момент и всегда.

Лиза сидела на полу в коридоре, прислонившись спиной к стене, и наблюдала за Ваньей, разгуливавшей с прижатым к уху мобильным телефоном. Девочка сидела со скучающим видом, но ее мозг усиленно пытался сообразить, о чем же ее хочет спросить эта женщина-полицейский. И как ей следует отвечать. Под конец она решила просто твердо держаться своей стратегии. Никаких деталей она не помнит.

Рогер пришел.

Уроки.

Чай.

Телевизор.

Рогер ушел.

Обычный скучноватый вечер пятницы. Вопрос лишь в том, окажется ли этого достаточно.

Отец Лизы появился через двадцать минут. То ли потому, что у Ваньи была еще свежа в памяти выложенная из бусинок огромная картина с Иисусом (*более пяти тысяч бусинок, потрясаяще!*), то ли из-за голубого, явно купленного по дешевке в магазине «Дрессманн» костюма и прилизанной прически в стиле куклы Кена, но устремившийся в коридор сильно возмущенный мужчина сразу навел ее на мысль о Свободной церкви. Он представился Ральфом и в последующие три минуты объяснял Ванье, что непременно пожалуется на то, что полиция пыталась допрашивать его несовершеннолетнюю дочь в отсутствие родителей и к тому же прямо в школе! Они могли бы с таким же успехом повесить ей на грудь табличку с надписью «подозреваемая». Неужели Ванья не знает, как молодежь любит сплетничать? Разве нельзя было обставить все более деликатно?

Ванья насколько могла спокойно объяснила, что с точки зрения закона Лиза уже не является несовершеннолетней и что она все-таки была последним человеком, видевшим Рогера живым, – кроме убийцы, добавила она на всякий случай, – и полиции требовалось лишь проверить некоторые сведения. Кроме того, когда Лиза выразила желание, чтобы при беседе присутствовал отец, Ванья незамедлительно согласилась и пока не задала Лизе ни единого вопроса. Ральф посмотрел на Лизу, чтобы получить подтверждение, и та кивнула. Ванья предложила также проводить Лизу обратно в класс и объяснить, что ее ни в коей мере не подозревают в причастности к убийству Рогера Эрикссона.

Ральф, казалось, удовлетворился этим, немного успокоился, и затем они вместе прошли в тщательно убранную комнату для отдыха и уселись на мягкие диваны.

Ванья рассказала, что в процессе расследования они от двух не зависящих друг от друга источников получили сведения о том, что Рогер в начале десятого в пятницу вечером находился в городе, а не дома у Лизы, как та им сообщила. К изумлению Ваньи, Ральф даже не повернулся к Лизе, прежде чем прокомментировать услышанное.

– Значит, они ошибаются. Ваши источники.

– Оба? – Ванья не могла скрыть удивления.

– Да. Если Лиза говорит, что Рогер пробыл у нее до десяти, значит, так и есть. Моя дочь не лжет. – Ральф покровительственно приобнял дочь, словно в подтверждение своих слов.

– Но она, возможно, ошиблась со временем, такое случается, – попыталась Ванья, взглянув на Лизу, молча сидевшую рядом с отцом.

– Она ведь говорит, что Рогер ушел, когда на четвертом канале начинались новости. А они каждый вечер начинаются в десять часов, если я правильно информирован.

Ванья прекратила спор и обратилась напрямую к Лизе:

– Не могла ли ты ошибиться со временем ухода Рогера? Нам важно установить все с максимальной точностью, чтобы мы смогли найти того, кто его убил.

Лиза чуть крепче прижалась к руке отца и отрицательно помотала головой.

– Значит, мы все выяснили. Вас интересует что-то еще? А то мне надо возвращаться на работу.

Ванья ничего не сказала о том, что прождала полчаса, чтобы задать свой вопрос, и что ее тоже ждет работа. Вероятно, более важная, чем его. Она предприняла последнюю попытку.

– Оба человека, с которыми мы беседовали, абсолютно независимо друг от друга уверены во времени.

Ральф уставился на нее, и когда он заговорил, в его голосе зазвучали более жесткие нотки. Ванья почувствовала, что он из людей, не привыкших, чтобы им возражали.

– Моя дочь тоже уверена. Получается, слово против слова, не так ли?

Продвинуться дальше Ванье не удалось. Лиза не издала ни звука, а Ральф ясно дал понять, что намерен и в дальнейшем присутствовать при возможных беседах. Ванья не стала разъяснять ему, что вопрос о его присутствии будут решать она и ее коллеги, а не он. Она просто молчала, а Ральф тем временем поднялся, обнял дочь, поцеловал ее в щеку, с кивком протянул руку Ванье и покинул комнату отдыха и само здание школы.

Ванья осталась стоять, глядя ему вслед. В принципе замечательно, когда родитель на сто процентов стоит на стороне своего ребенка. В процессе работы Ванье слишком часто встречалась полная противоположность. Или во всяком случае семьи, где подростки казались более или менее чужеродными элементами и родители не имели ни малейшего понятия о том, чем и с кем занимаются их дети. Следовательно, отец, примчавшийся с работы, обнявший дочку, доверявший ей и защищавший ее, вроде бы должен был стать приятным исключением в Ваньином мире. Вроде бы. Поскольку Ванья не могла отделаться от ощущения, что Ральф больше, чем Лизу, защищал образ идеальной семьи с хорошо воспитанной дочкой, которая никогда не лжет. Любой ценой избежать сплетен и разговоров было для него важнее, чем установить истинный ход событий той пятницы. Ванья повернулась к Лизе, которая стояла и грызла ноготь:

– Я провожу тебя в класс.

– В этом нет необходимости.

– Я знаю, но все-таки провожу.

Лиза пожала плечами. Они молча прошли мимо ученических шкафчиков и возле двери в столовую свернули направо вверх по широкой каменной лестнице, ведущей на второй этаж. Лиза шла, опустив голову, и из-за челки Ванья не могла видеть выражения ее лица.

– Какой у тебя сейчас урок?

– Испанский.

– Que hay en el bolso?

Лиза посмотрела на Ваню непонимающим взглядом.

– Это означает «что у тебя в сумке?».

– Я знаю.

– Я тоже изучала испанский в старших классах, и это в принципе единственное, что я помню.

– А-а.

Ваня умолкла. Своим коротким «а-а» Лиза сумела ясно показать, насколько мало ее волнуют скудные познания Вани в испанском языке. Они явно подошли к Лизину классу, поскольку та замедлила шаг и потянулась к ручке двери. Ваня положила руку ей на плечо. Лиза замерла и снова подняла взгляд.

– Я знаю, что ты лжешь, – тихо сказала Ваня, глядя девочке в глаза. Та просто смотрела на нее с ничего не выражающим лицом. – Не знаю почему, но обязательно выясню. Тем или иным образом.

Ваня замолчала, ожидая от Лизы какой-либо реакции. Но таковой не последовало.

– Теперь, когда ты знаешь, что мне это известно, может, ты хочешь что-нибудь сказать?

Лиза помотала головой.

– Что же я могу сказать?

– Например, правду.

– У меня сейчас испанский. – Лиза посмотрела на Ванину руку, по-прежнему лежавшую у нее на плече. Ваня убрала руку.

– Ладно, значит, мы, вероятно, еще встретимся.

Ваня пошла по коридору в обратном направлении, а Лиза смотрела ей вслед, пока она не скрылась за стеклянными дверьми в конце коридора. Потом осторожно отпустила ручку двери, отошла на несколько шагов в сторону, попутно доставая мобильный телефон, и быстро набрала номер. Ни имени, ни номера человека, которому она собиралась звонить, в ее телефонной книжке не значилось, и после каждого разговора она обычно чистила список звонков. Ведь никогда не знаешь, не проверит ли кто-нибудь твой мобильный. После нескольких сигналов ей ответили.

– Это я. – Лиза еще раз взглянула в конец коридора. Пусто. – Ко мне только что приходили из полиции.

Лиза слегка закатила глаза, выслушав реплику с другого конца провода.

– Нет, конечно, я ничего не сказала, но они докопаются. Я уверена. Одна женщина разговаривала со мной уже дважды. И еще вернется.

Лиза, сумевшая в течение всего допроса изображать полное безразличие, теперь заволновалась. Она так долго скрывала правду, запрятала ее в самый дальний уголок памяти и просто похоронила. Теперь же она осознавала, что существует множество сил, стремящихся вырвать у нее правду, и ее стойкость начала ослабевать. Человек на другом конце пытался поддержать ее. Подбодрить, снабдить аргументами. Она кивнула. Почувствовала себя немного сильнее. Наверное, все будет хорошо. Услышав позади шаги в коридоре, она быстро прервала разговор, высвободила пальцем застрявший в ресницах волос челки, подавила волнение и вошла на ожидавший ее урок испанского. Самой легкой походкой, на какую была способна.

* * *

Лена Эрикссон провела утро в том же кресле, что и накануне. Теперь же она начала бродить по квартире и непрерывно курить. От никотина и смолы по маленькой трехкомнатной квартирке на первом этаже распространился легкий голубоватый туман. Лена, казалось, не могла подолгу оставаться на одном месте. Она немного посидела на по-прежнему не застеленной кровати Рогера, но видеть джинсы, кипы учебников, его старые игровые приставки –

сохранившиеся доказательства того, что в комнате жил шестнадцатилетний мальчик, – было невыносимо. Она пыталась обрести покой в ванной, на кухне, в собственной спальне. Но любое место слишком сильно напоминало о нем, поэтому Лена переходила к следующему и следующему. Круг за кругом по всей квартире, как настоящая безутешная мать.

Однако существовало и нечто другое, заставлявшее ее неутомимо бродить. Голос. Тоненький голосок в глубине ее души.

Может, это ее вина? Неужели это ее вина? Черт возьми, зачем она только ввязалась в эти разговоры! Но она разозлилась. Хотела нанести ответный удар. С этого все началось. Деньги. Звонки, деньги, звонки. По кругу, в точности как ее хождение по квартире. Но неужели это могло привести к такому? Она не знала, действительно не знала. И не имела представления, как узнать. А узнать было необходимо. Ей требовалось знать наверняка, что она просто мать, лишившаяся сына, на которую безвинно обрушилось самое страшное. Лена закурила еще одну сигарету. Сегодня они пошли бы за покупками. И обязательно поругались бы – из-за денег, одежды, отношения, уважения, из-за всех тех слов, которые, она знала, так наскучили Рогеру. Лена заплакала. Ей так его не хватает. Она упала на колени и дала волю горю и боли. Это возымело благотворное действие, но сквозь слезы ей вновь слышался голос.

А что, если всему виной ты?

– Чувствуешь себя никуда не годной матерью. Думаешь, что делаешь все, а они просто берут и ускользают от тебя.

Клара допила остатки кофе и снова поставила чашку на стол. Она посмотрела на сидящего напротив нее Себастиана. Тот согласно кивнул, даже особенно не вслушиваясь. После того как они зашли в дом, Клара говорила исключительно о своих плохих отношениях с сыном Леонардом. Вполне объяснимо, учитывая утренние события, но малоинтересно для кого-либо, кроме родных и близких. Себастиан обдумывал, не указать ли ей на то, что использование второго лица вместо первого, когда она говорит о самой себе, на самом деле является неким вербальным защитным механизмом, способом сделать собственную неудачу более общей, менее личной и таким образом отдалить от себя часть боли. Но он посчитал, что подобное утверждение будет воспринято как колкость и только усилит ее негативное отношение к нему. Этого он не хотел.

Во всяком случае пока.

Пока он еще не решил, стоит попытаться завлечь ее в постель или нет. Он предпочел продолжить мягкий стиль общения. Спокойно и достойно. Не с осуждением, а скорее с пониманием. Он покосился на ее грудь, смотревшуюся в бежевом пуловере весьма привлекательно.

– С детьми всегда так. Иногда получается, иногда нет. Кровная связь еще не является гарантией хороших отношений.

Себастиан внутренне содрогнулся. Черт возьми, как язвительно! Семь лет изучения психологии, двадцать лет в профессии, и вот он, его вывод, слова утешения женщине, жизнь которой за пару часов перевернулась с ног на голову.

«Иногда получается, иногда нет».

К своему изумлению, он увидел, как Клара серьезно кивнула, явно удовлетворившись столь глубоким анализом. Она даже благодарно улыбнулась ему. У него определенно получится с ней переспать, если он правильно разыграет свои карты. Себастиан встал и начал убирать со стола тарелки и стаканы. Когда он вернулся обратно, Клара уже принялась готовить обед – жарить мелкие кусочки мяса с овощами и яйцом. Ей удалось найти в холодильнике банку еще съедобной консервированной свеклы. И две банки легкого пива. Себастиан ел с хорошим аппетитом, а Клара в основном ковырялась в еде. Ком в желудке, казалось, с каждой минутой разрастался, и ее постоянно слегка подташнивало. Однако ей все равно нравилось сидеть за накрытым столом. И иметь собеседника, с которым можно разговаривать.

Пережевывать.

Собеседника, слушающего и столь умного.

Это приносило успокоение. Он все же оказался довольно приятным, этот хам.

Она обратилась к Себастиану, стоявшему спиной к ней и загружавшему тарелки в посудомоечную машину:

– Вы ведь не жили дома, да и в гости приезжали нечасто? Мы переехали сюда в девяносто девятом, и, думаю, я вас тут ни разу не видела.

Себастиан ответил не сразу. Раз Клара, как она утверждала в саду чуть раньше, разговаривала о нем с Эстер, то ей, вероятно, известна частота его визитов в родительский дом. Себастиан выпрямился.

– Я здесь вообще не бывал.

– Почему же?

– Они были идиотами. К сожалению.

Клара посмотрела на него и решила ни о чем не спрашивать. Конечно, его родители не казались самыми веселыми людьми на свете. Но ей представлялось, что после смерти отца мать начала оживать. С ней стало легче разговаривать. Они даже несколько раз вместе пили кофе, и она откровенно расстроилась в тот день, когда поняла, что жить Эстер осталось недолго.

Прозвенел дверной звонок, и секундой позже они услышали, как открывается входная дверь. Торкель покричал из холла и через мгновение появился в дверях.

– Мы закончили, вы можете возвращаться. Я сожалею, если мы причинили вам неудобства, – с ходу обратился он к Кларе.

В голосе Торкеля, однако, особого огорчения не слышалось. Как всегда, корректен. Себастиан едва заметно покачал головой. Неудобства. Эта фраза, вероятно, значилась в какой-нибудь выпущенной году в пятидесятом должностной инструкции, определявшей, как должен вести себя полицейский при контакте с общественностью. Ведь ясно, что кое-какие неудобства Кларе он причинил. Арестовал ее сына и перевернул вверх дном дом. Однако Клара, похоже, оставила это без внимания. Она встала и почти демонстративно обратилась к Себастиану:

– Спасибо за обед. И за компанию.

С этим она покинула кухню, не удостоив Торкеля даже взглядом.

Когда за Кларой захлопнулась входная дверь, Торкель шагнул в кухню. Себастиан все еще стоял, склонившись над мойкой.

– А ты, как я вижу, ничуть не меняешься. По-прежнему дамский угодник во всеоружии.

– Она стояла на улице и мерзла.

– Будь на ее месте папа Лундин, он бы так и остался стоять на улице. Можно?

Торкель показал на включенную кофеварку, где еще оставалось немного кофе.

– Конечно.

– А чашка?

Себастиан указал на кухонный шкаф, и Торкель достал оттуда полосатую финскую кружку.

– Приятно снова встретиться. Мы ведь чертовски давно не виделись.

Себастиан испугался, что это сможет стать прелюдией к тому, что Торкель все-таки предложит встретиться вечером или выпить пива. Себастиан занял выжидательную позицию.

– Да, давненько.

– Что ты сейчас подделываешь?

Торкель вылил себе в чашку остатки кофе и выключил кофеварку.

– Живу на доходы от авторских прав и страховку жизни жены. А теперь еще умерла мать, так что я могу продать дом и немного пожить за ее счет. Но ответом на твой вопрос будет – ничего. Я сейчас ничего не делаю.

Торкель застыл на месте. «Слишком много информации сразу, и, вероятно, не из числа общепринятых рассказов «о, все потихоньку-полегоньку», как он того ожидал, – подумал Себастиан. – Впрочем, полное бездействие в сочетании со смертями в семье, возможно, отобьет у Торкеля желание воспользоваться случаем и «наверстать упущенное». Себастиан посмотрел на коллегу и увидел в его глазах выражение искренней скорби. Сочувствие всегда было одной из прекрасных черт Торкеля. Корректен, но способен сопереживать. Несмотря на все, что ему доводится видеть по работе.

- Страховка жены... – Торкель отпил глоток кофе. – Я не знал даже, что ты был женат.
- Да, женат и вдовец. За двенадцать лет кое-что успевает произойти.
- Какая трагедия. Сочувствую.
- Спасибо.

Воцарилось молчание. Торкель потягивал кофе, притворяясь, что тот горячее, чем на самом деле, что позволяло ему уклоняться от возобновления неклеящегося разговора. Себастиан пришел ему на выручку. Торкель почему-то явно искал его общества. После двенадцати лет Себастиан вполне мог подарить ему пять минут деланой заинтересованности.

- А ты? Как твои дела?
- Снова развелся. Чуть более трех лет назад.
- Печально.
- Да. А в остальном – ну, все потихоньку-полегоньку. Я по-прежнему в Госкомиссии по

расследованию убийств.

- Да, ты говорил.
- Да...

Снова молчание.

Новый глоток кофе.

Опять спасение. Наименьший общий знаменатель. Работа.

- Вы что-нибудь нашли у Лундинов?
- Даже если и нашли, я не могу тебе этого сказать.
- Да, конечно. Меня это, в общем-то, не интересует. Просто хотел поддержать беседу.

Себастиану показалось, что на лице Торкеля мелькнуло разочарование. Что бы это ни было, но задержалось оно лишь на долю секунды, после чего Торкель бросил быстрый взгляд на часы и выпрямился.

- Мне надо идти. – Он поставил кружку с недопитым кофе в мойку. – Спасибо за кофе.

Себастиан вышел за ним в холл. Прислонился к стене, скрестил руки на груди и стал наблюдать за тем, как Торкель берет свисающий со шляпной полки рожок для обуви и надевает мягкие кожаные туфли, которые снял у входной двери. Внезапно Себастиан увидел поседевшего пожилого человека, старого друга, который хотел только добра и которого он принял с откровенной холодностью.

- Это моя вина. Я мог бы написать открытку или что-нибудь подобное, если бы стремился поддерживать контакт.

Торкель перестал надевать туфли и посмотрел на Себастиана чуть ли не вопросительно, словно плохо его расслышал.

- Что?

– Может, ты думаешь, что виноват в том, что прошло столько лет, что мы утратили контакт. Я сказал, что мог бы сам проявиться, если бы считал это важным.

Торкелю потребовалось несколько секунд, чтобы вникнуть в слова Себастиана; тем временем он повесил рожок на место.

- Я, пожалуй, не считаю, что это моя вина.
- Хорошо.
- Во всяком случае, не только моя.

Взявшись за ручку двери, Торкель на мгновение остановился. Следует ли ему что-нибудь сказать? Объяснить Себастиану, что если один человек говорит другому, будто не считает их отношения важными, не стоящими того, чтобы их поддерживать, это едва ли воспринимается как некая форма утешения, даже если так было задумано. Как раз напротив. Стоит ли это сказать? Торкель отбросил эту мысль. В общем-то, ему не следовало даже удивляться. Они в свое время много шутили по данному поводу: для психолога Себастиан не слишком хорошо разбирался в чувствах других людей. Себастиан всегда возражал, говоря, что понимание чувств слишком переоценивают. Утверждал, что интерес представляют движущие силы, а не чувства, которые являются лишь шлакообразованиями. Торкель улыбнулся про себя, сообразив, что сейчас, вероятно, представляет собой шлакообразование в памяти Себастиана.

– Увидимся, – сказал Торкель, открывая дверь.

– Возможно.

Торкель закрыл за собой дверь и услышал, как повернулся засов. Он двинулся вперед в надежде, что Урсула подождала его с машиной.

Торкель выскочил у здания полиции, а Урсула поехала ставить машину. По дороге о Себастиане они не говорили. Торкель предпринял было попытку, но Урсула ясно выразила свое отношение, и остаток пути они обсуждали дело. Предварительный анализ окровавленной футболки был уже готов, и Урсула по мобильному телефону узнала, что там имеются следы крови только одного человека. Рогера Эрикссона. К сожалению, количество крови больше соответствовало объяснению Лео, что она попала на футболку во время их драки, чем тому, что она явилась результатом жестокого убийства ножом, совершенного в приступе ярости.

Кроме того, высокомерие парня превратилось во время последних допросов в рыдания, и Торкелю становилось все труднее представить себе, что этот жалкий персонаж был способен на нечто столь взвешенное и спланированное, как помещение тела в болото. При помощи машины, которой у него не имелось. Нет, слишком слабо. Несмотря на обнаруженную кровь, такое казалось нереальным.

Тем не менее они пока чувствовали себя неготовыми полностью списывать Лео со счетов. В этом расследовании уже было совершено достаточно ошибок. Они задержат Леонарда на ночь, но если не найдут еще чего-нибудь, то будет трудно убедить прокурора дать согласие на его арест. Торкель с Урсулой решили собрать всю команду, чтобы попробовать общими усилиями выработать план дальнейших действий.

С этими мыслями Торкель вошел в здание, и в холле ему призывно помахала рукой женщина из комнаты дежурного.

– К вам посетитель, – сообщила она, указывая на зеленый диван у окна.

Там сидела излишне полная, плохо одетая женщина. Она встала, увидев, что дежурная показывает на нее рукой.

– Кто это? – тихо спросил Торкель, не желая оказаться застигнутым врасплох.

– Лена Эрикссон. Мать Рогера Эрикссона.

«Мать, ничего хорошего», – успел подумать Торкель, прежде чем та постучала его по плечу.

– Это вы занимаетесь этим делом? Убийством моего сына. – Лена уже стояла рядом с Торкемем. Он обернулся.

– Да. Торкель Хёглунд. Я сочувствую вашему горю.

Лена Эрикссон лишь кивнула.

– Значит, это совершил Лео Лундин?

Торкель посмотрел женщине в глаза, когда та требовательно уставилась на него. Она хочет знать. Разумеется, она хочет знать. То, что убийцу определили, нашли и осудили, много

значит для психологической переработки скорби. К сожалению, Торкель не мог дать тот ответ, который ей хотелось услышать.

– Сожалею, но я не могу обсуждать детали расследования.

– Но ведь вы его арестовали?

– Как я уже сказал, я не могу это обсуждать.

Лена, похоже, вовсе не слушала его. Она подошла на шаг ближе к Торкелю. Слишком близко. Он поборол импульс отступить назад.

– Он вечно нападал на Рогера и колотил его. Вечно. Это из-за него Рогер перешел в эту проклятую снобистскую школу.

Да, всему виной он – Лео Лундин. Или Леонард – что за идиотское имя. Сколько времени это продолжалось, Лена не знала. Травля. Она началась в старших классах, это Лене было известно, но Рогер поначалу ничего дома не рассказывал. Ничего не говорил о прозвищах и толчках в коридоре, о разорванных учебниках и взломанных личных шкафчиках. Он находил отговорки для того, почему иногда приходил домой после школы голым до пояса или в мокрой обуви, не рассказывал о том, что ему порвали футболку и что после физкультуры он обнаружил свои ботинки в унитазе. Придумывал объяснения пропаже денег и вещей. Но Лена догадывалась, что Рогер в конце концов пошел на некоторые уступки.

Но это в порядке вещей.

Под контролем.

Он способен справиться сам. Если она вмешается, станет только хуже. А потом началось насилие. Избиения. Синяки. Треснутая губа и опухший глаз. Удары ногами по голове. Тогда Лена обратилась в школу. Встретилась с Лео и его матерью и после длившегося сорок пять минут разговора в кабинете директора поняла, что здесь помощи ждать не приходится. Было совершенно ясно, кто командует у Лундинов дома.

Лена знала, что не блещет академическими знаниями, но в вопросах власти она разбирается. Хорошо умеет определять соотношение сил и видеть структуры. Шеф совсем не обязательно является решающим звеном. Родитель не всегда оказывается авторитетом, а директор – лидером коллектива учителей. Лена с легкостью вычисляла, кто обладает реальной властью, как ее использует и как ей самой лучше выстраивать свои отношения с властью, чтобы извлекать максимум преимуществ. Или хотя бы избегать вреда. Некоторые, вероятно, называли ее интриганкой, другие говорили, что она держит нос по ветру, а кое-кто наверняка считал, что она просто-напросто лижет начальству задницу. Однако только так и можно выживать, если тебя окружает власть, а ты сам ею не наделен.

Но это неправда, – произнес у нее в голове голосок, сопровождавший ее весь день. – У тебя была власть.

Лена вытеснила голосок, не желая к нему прислушиваться. Ей хотелось услышать, что это совершил Лео. Точно он! Она знает. Непременно он. Требуется лишь заставить стоящего перед ней хорошо одетого пожилого мужчину это понять.

– Я уверена, что это он. Он уже раньше избивал Рогера. Жестоко избивал. Мы никогда не заявляли в полицию, но поговорите в школе. Это он. Я знаю, что это он.

Торкель понимал ее настойчивость, ее убежденность. Он наблюдал то, что уже многократно видел раньше. Жажда, причем не только раскрытия преступления, но и понимания. Мучитель сына переходит грань. Это понятно. Постигаемо. Это снова сделало бы реальность чуть более реальной. Он знал, что их разговор дальше не продвинется, и, положив руку Лене на плечо, стал бережно, едва заметно направлять женщину к выходу.

– Посмотрим, к чему приведет расследование. Я буду держать вас в курсе всего происходящего.

Лена кивнула и уже начала самостоятельно машинально двигаться к стеклянным дверям, но вдруг остановилась.

– Еще одно.

Торкель снова шагнул к ней.

– Да?

– Мне звонят из газет.

Торкель вздохнул. Естественно, звонят. В самый трудный для нее момент. Когда ей тяжелее всего. И неважно, сколько раз газетчикам приходилось проводить внутренние служебные расследования после того, как они публиковали интервью с людьми, явно выбитыми из колеи, явно не отдающими себе отчет в том, что они делают. С людьми, пребывавшими в шоке и глубочайшем горе.

Это прямо как закон природы.

Убили ребенка.

Газетчики звонят.

– По моему опыту, большинство людей, общающихся с прессой, находясь в вашей ситуации, потом об этом сожалеют, – честно сказал Торкель. – Вы можете не отвечать или направлять газетчиков к нам.

– Но они хотят получить эксклюзивное интервью и заплатить мне. Я только хотела спросить: не знаете ли вы, сколько с них можно получить?

Торкель посмотрел на нее с выражением лица, которое Лена истолковала как то, что он ее плохо понял. Он действительно плохо понимал ее, хоть и в другом отношении.

– Я подумала, что вам уже доводилось с таким сталкиваться. Какая сумма кажется вам приемлемой?

– Не знаю.

– Я никогда не имела с ними дела. О чем может идти речь? О тысяче? О пяти тысячах? О пятнадцати тысячах?

– Честно говоря, не знаю. Советую вам вообще не разговаривать с ними.

По лицу Лены было ясно видно, что такой вариант ей как раз не подходит.

– Я и не разговаривала. Но теперь они готовы заплатить.

Торкель понимал ее. Она, очевидно, нуждается в деньгах. Ей ни к чему его моральные сомнения или основанная на опыте забота. Она добивается от него ценника. Имеет ли он право осуждать ее? Как давно он сам действительно нуждался в деньгах? И нуждался ли вообще?

– Поступайте как знаете. Только будьте осторожны.

Лена кивнула, и, к своему изумлению, Торкель услышал, как произнес: «Продавайте себя дорого».

Лена кивнула ему с улыбкой, развернулась и пошла. Торкель несколько секунд постоял, глядя, как она удаляется вдоль по улице, в лучах светящего за окном солнца. Он постарался выбросить ее визит из головы и развернулся, чтобы вернуться к работе и коллегам.

Но испытания на этом не закончились.

К нему, прихрамывая, подошел Харальдссон. По его серьезному взгляду Торкель понял, что Харальдссон хочет поговорить. О том, что Торкель до последнего откладывал и о чем его уже трижды просила Ванья.

– Когда кто-нибудь говорит, что мы будем работать поблизости друг от друга, как тебе кажется, что это означает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.